

**АЛЬТХЕЙМ:
ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ**

ВЫИГРАЙ ИЛИ УМРИ

НИНЬЕЛЬ АНДЕРС

Нинель Андерс

Альтгейм: игра на выживание

<https://litres.ru/74496459>

Аннотация

В недалёком будущем власть над миром сосредоточилась в руках корпорации "Нексус". Её главное творение — "Альтгейм", виртуальная игра, стирающая грань между вымыслом и реальностью. Здесь ставки предельно высоки: смерть в цифровом пространстве означает гибель в настоящем мире.

В эту беспощадную игру попадают двое совершенно разных людей.

Катя — опальная киберспортсменка, раздавленная чередой предательств и унижений. Для неё "Альтгейм" это последняя надежда спасти мать.

Влад — школьный учитель, всегда презиравший виртуальность. Его уютный мир книг и уроков рушится в одно мгновение: из привычной реальности он попадает в цифровой ад, где милосердие это непозволительная роскошь, а правила пишут те, кто не знает жалости.

Им предстоит пройти сквозь череду жестоких испытаний. Сражаться с чудовищными созданиями и коварными игроками. Разгадывать зловещие загадки игры, прокачивать навыки в мире, где любая ошибка карается смертью. Но самые страшные битвы

ждут их не в бою — перед лицом неминуемой гибели их ожидает главное сражение за право остаться человеком.

"Альтгейм: игра на выживание" — это не просто история о борьбе за жизнь. Это рассказ о том, как в внутри цифрового ужаса можно отыскать тепло живого сердца.

Содержание

Глава 1. Королева	5
Глава 2. Чужой мир	14
Глава 3. Бег сквозь ад	25
Глава 4. Здесь все бойцы	34
Глава 5. Укрытие	44
Глава 6. Они ждут	52
Глава 7. Утренний свет	62
Глава 8. Я учусь выживать	69
Глава 9. Источник белка	78
Глава 10. Обеденный перерыв	87
Глава 11. Совместный щит	96
Глава 12. Зона поражения: весь сектор "Сумеречный лес"	105
Глава 13. Охотники	113
Глава 14. Слово правды	122
Глава 15. Здесь и сейчас	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Глава 1. Королева

Катя

Тёмный прямоугольник экрана пульсирует в полумраке комнаты, словно живое сердце, отсчитывающее последние удары моего спокойствия.

Цифры — *874 321 кредит* — врезаются в сознание, оставляя жар под веками.

Это не просто сумма. Это счётчик жизни мамы.

Третий месяц она лежит в частной клинике. Третий месяц я наблюдаю, как наши сбережения превращаются в пыль, а надежды — в пепел. Каждый вечер я пересчитываю остатки на счёте и чувствую, как внутри разрастается ледяная пустота.

Я провожу пальцем по экрану вниз, обновляю страницу, словно в надежде, что там когда-нибудь появится другая цифра. Не появляется.

На столе лежит контракт с "Нексусом". Крупные буквы кричат: "Альтхейм: Испытание духа и воли". Ниже, мелким шрифтом, как приговор: "Смерть в игре = смерть в реальности".

— Ты уверена? — голос мамы едва пробивается сквозь помехи видеосвязи. Её улыбка натянута, а в глазах плещется тревога, которую она тщетно пытается скрыть.

— Конечно, — отвечаю я, торопливо натягивая капюшон пониже, чтобы спрятать мокрые от слёз щёки. — Это просто игра. Я же чемпионка, помнишь?

Она молча кивает, но я читаю в её взгляде всё без слов. Она не верит. Или не хочет верить. И в этой бездне её материнского взгляда отражается вся правда обо мне: она боится за меня, потому что слишком хорошо знает, что я могу не справиться. Потому что я совсем не та, кем привыкла казаться.

Я отключаюсь от звонка, и полумрак комнаты проглатывает всё, оставляя на виду только тусклые кубки на стене. Когда-то они были моим фоном на стримах, узнаваемым кадром. Теперь выглядят как свидетели, которым надоело смотреть.

Два года назад я была "Королевой теней", легендой киберспорта. Мой рейтинг 999/1000 казался недостижимым. Я владела картами наизусть, знала тайминги, углы, маршруты отхода. Победы сыпались одна за другой, фан-клубы росли, контракты приходили пачками.

А потом моя карьера пошла под откос — быстро, грязно, почти без шансов вытащить её обратно.

Сначала появилось то злосчастное видео с монтажом, где меня якобы уличили в использовании запрещённых скриптов. Оно разлетелось по сети со скоростью лесного пожара. Репутацию можно было хоронить, команды разорвали контракты, фанаты отвернулись, даже те, кого я считала друзьями.

ми, исчезли из моей жизни.

Меня вычеркнули из переписок так же просто, как удаляют ник из списка участников.

Но настоящий кошмар начался позже, когда кто-то выложил в сеть мои настоящие фотографии. Обычные снимки из жизни, где я в мешковатой толстовке, без макияжа, с расчёсанными волосами. Ничего “скандального”, только я, без света софтбоксов и без фильтров. И толпе этого оказалось достаточно. Они увидели не звезду киберспорта, а девушку с кругами под глазами и неряшливым хвостом. И этого хватило, чтобы разогнать травлю, которая почти уничтожила меня.

Сотни сообщений.

"И это „королева“? Смешно!"

"Кто вообще считал её красивой? Обычная толстуха"

"В игре она крутая, а в жизни полный ноль"

"Лучше бы она вообще не выходила из дома"

Комментарии приходили один за другим, жалили снова и снова.

Каждый клик по экрану приносил новую порцию боли.

Я удалила все аккаунты в соцсетях. Заблокировала телефон. Выхожу на улицу только в крошечной тьме, когда город почти спит, а капюшон прячет лицо от редких прохожих. Зеркало стало моим злейшим врагом. Каждый раз, поднимая глаза, я вижу подтверждение их слов.

Человеком я перестала быть в тот момент, когда стала экс-

понатом для чужих насмешек.

Сейчас передо мной капсула погружения: холодный металлический гроб с мигающими индикаторами.

Она похожа на саркофаг, или на портал в иную реальность, откуда, возможно, уже не будет возврата.

Я касаюсь нейрошлема, и пальцы дрожат, выдавая панику.

— Катя, — шепчу я своему отражению в зеркальной поверхности шлема, — ты можешь это. Ради неё.

Но внутри поднимается знакомая волна — та же, что накрывает перед выходом из подъезда. Я знаю её по именам.

А если не могу?

А если я просто очередная жертва, которую "Нексус" перемелет и выплюнет?

А если всё повторится?

"Альтхейм"...

Это слово когда-то звучало как награда. Игра-исследование, симулятор выживания с полным сенсорным погружением. Эксперимент над человеческой психикой. Разработчики хотели увидеть, что делает с человеком страх, когда он перестаёт быть "условным", когда каждый шорох режет по нервам так же, как в реальном лесу.

Я помню те дни, когда "Альтхейм" был чистым. Тогда каждое приключение было настоящим открытием, а победа заслуженным триумфом. Я была королевой этого мира, непобедимой чемпионкой, чьё имя знали все игроки.

Но затем пришёл "Нексус".

Они изменили правила. Подменили смысл. Превратили развлечение в шоу для тех, кому скучно жить безопасно. То, что было исследованием границ, стало ареной, где смерть продаётся как контент.

Теперь каждый сезон собирает сотню игроков. У каждого своя история, своя боль и свои причины оказаться здесь. Они приходят с разными надеждами, но с одной мечтой.

Победитель получает всё: десять миллионов кредитов — сумма, которая может развернуть жизнь — и право на новую личность, шанс исчезнуть из прошлой реальности.

Но цена...

Цена за эту возможность — твоя жизнь.

Нейроблок убирает границу между игрой и телом: ошибка здесь заканчивается не экраном загрузки, а тишиной в палате реанимации.

Здесь нет вторых шансов, нет возможности начать заново. Только один путь — вперёд, к победе или в небытие.

И в этой новой реальности я снова стою на пороге выбора, после которого у меня может не остаться ничего — даже времени пожалеть.

Мир "Альтхейма" собран из разных кусков. Там фэнтези-ландшафты стыкованы так, что швы чувствуются кожей. Могучие каменные плато, таинственные леса, укутанные туманом, заброшенные руины, поросшие диким плющом.

Время там течёт иначе и давит, как пресс. Каждые двадцать четыре часа невидимая сила стягивает пространство,

пожирая территории. Игроки вынуждены постоянно перемещаться, искать укрытия и ресурсы. Всё, что оказывается за чертой, исчезает, просто перестаёт существовать.

В это же время на мир обрушиваются “Кровавые события” и небо наливается багровым цветом, предупреждая о новой волне испытаний. Ядовитый туман стелется по земле, обжигая горло. Земля содрогается от землетрясений, из разломов выползают монстры.

Но даже это не самое страшное.

Игроки перестают быть просто соперниками. Они становятся охотниками друг на друга. Система поощряет предательство, ведь бонусы за каждую жертву приходят быстрее, чем успеваешь вытереть кровь. Каждый может оказаться врагом, каждый союз — ловушкой.

В запятанных уголках мира таятся скрытые квесты, манящие обещаниями выхода. Они ведут к легендарному "Сердцу Альтхейма". Месту, где, по слухам, существует дверь из этого кошмара. Но есть тайны, о которых молчат в контракте. Самостоятельный выход невозможен. Только победа или смерть.

Система следит за каждым движением и всплеском эмоций, переводит страх, злость и привязанность в сухие строки статистики. Здесь каждый шаг может стать последним, а каждое решение роковым. И только тот, кто готов заглянуть в бездну, может надеяться найти выход из лабиринта смерти.

А ещё... за игроками наблюдают.

Элитные подписчики "Нексуса" — те, кто платит миллионы за доступ к приватным трансляциям. Они делают ставки. Обсуждают тактику. Смеются, когда кто-то падает. Аплодируют, когда кто-то убивает.

Я видела их форумы. Видела ставки на "выживаемость" игроков. Холодные цифры, как на тотализаторе. Видела, как мой профиль: "Катя Воронина, бывшая чемпионка", оценили в один к пяти.

"Слишком гордая, сломается на первой неделе", — написал кто-то с ником *"Коллекционер"*.

Я перечитывала их снова и снова, надеясь, что они изменятся или исчезнут. Но они оставались на экране. Чёткие. Безжалостные.

"Она думает, что особенная. Посмотрим, как она будет кричать, когда её разорвут на части".

Живот сводит так, что я на секунду перестаю дышать.

Я представляю, как они сидят в тёплых кабинетах, за бокалами вина, и обсуждают меня как фигуру на доске, с азартом в голосах, когда они ставят деньги на мою боль.

Они ждут, когда я сломаюсь. Они хотят этого.

"Её лицо... Фу. Даже в игре она выглядит жалко".

Их слова не только ранят, но и вскрывают старое. Я вспоминаю, как избегаю зеркал, как натягиваю капюшон ниже, как стираю случайные снимки, где попадаю в кадр.

Они правы. Они всё видят.

"Кто вообще поставил на неё? Она же ничтожество".

Я закрываю глаза, но образы не уходят. Я слышу их приглушённый, довольный смех. Слышу, как они обсуждают, сколько я продержусь, прежде чем сорвусь.

Они хотят, чтобы я сломалась. Хотят увидеть мою слабость. Хотят доказать, что я — ничто. Но я не дам им этого.

Потому что если я сломаюсь, мама не получит лечение. Если я проиграю, всё закончится.

И пусть они считают меня ничтожеством. Пусть ставят на мою гибель. Пусть смеются.

Я войду в "Альтхейм". Я буду драться. Я буду выживать.

Не для них.

Для неё.

Для мамы.

И если мне придётся пройти через ад, чтобы доказать, что я что-то значу, — я пройду.

Даже если они никогда не увидят во мне человека.

Даже если я сама в это не верю до конца.

Потому что у меня нет другого выбора.

Я делаю глубокий вдох. Капсула отвечает низким гулом; вибрация уходит в ладони, в кости.

Три... два... один...

Мир растворяется в белом свете.

Глава 2. Чужой мир

Влад

Я открываю глаза, и первое, что обрушивается на меня — резкий запах, похожий на смесь перегоревшей проводки. В голове гудит, перед глазами всё плывёт; картинка распадается на осколки, накладывается слоями, как если бы меня ударили по затылку и заставили смотреть через треснувшее стекло.

Я моргаю, но это не помогает. Вкус металла стоит на языке, горло сухое, как после долгой пробежки. Пытаюсь сглотнуть и понимаю, что слюны почти нет.

— Где... где я? — я пытаюсь подняться, опираясь на локти, но тело не слушается.

Локти подламываются, и я на секунду снова нелепо падаю грудью на пол.

Под ладонями холодный, шершавый камень. Не привычный пол моей квартиры, не линолеум школьного коридора, не асфальт городских улиц. Это что-то другое. Твёрдое, с прожилками, похожими на вены древнего существа. Я провожу пальцами по поверхности: неровная, местами острая. Природный камень? Но откуда?

На подушечках пальцев остаётся белёсая пыль. Я тру её о джинсы, но она не исчезает, только размазывается, как мел.

Медленно, преодолевая головокружение, оглядываюсь

вокруг. Небо здесь фиолетовое, какого я никогда не видел в реальности. Звёзды движутся по странным траекториям, идут косо и неровно, как сбившаяся проекция в планетарии.

Я автоматически ищу Большую Медведицу, но не нахожу. Мир другой, в нём нет моих ориентиров.

Вдалеке возвышаются горы, окутанные туманом; он пульсирует, то гуще, то реже, и от этого кажется, что у него есть ритм. Но он какой-то странный: собирается комками, потом расползается, оставляя просветы, и в этих просветах горы выглядят ближе, чем должны.

Воздух густой, тяжёлый, отчего каждый вдох отдаётся в лёгких странным покалыванием.

— Это сон, — шепчу, зажмуриваясь в отчаянной попытке проснуться. — Просто сон.

Я считаю до трёх, как учил детей перед контрольной: раз — успокойся, два — соберись, три — действуй.

Но запах не исчезает. Холод камня под руками остаётся таким же реальным. И... перед глазами вспыхивает текст, обжигая сетчатку своим свечением. Он появляется прямо внутри взгляда, как если бы кто-то поставил экран на изнанку век.

Добро пожаловать, Влад Бибенин.

Уровень: 1

Рейтинг: 0/1000

Задача: выжить.

До первого "Кровавого события": 58 минут

— Что за... — трясую головой, провожу руками по лицу. Нашупываю что-то на лбу. Тонкий обруч, холодный, с едва уловимой микровибрацией. Нейроинтерфейс? Откуда?!

Я давлю на кожу под ним. Больно, но обруч не сдвигается. Более того, вибрации под пальцами начинает мутить.

Пытаюсь хоть что-то вспомнить. Школа. Урок о падении Римской империи. Я стою у доски, рисую схему расположения легионов, объясняю, как коррупция и внутренние распри разрушили великую империю. Дети слушают, кто-то смеётся над моей шуткой про продажных сенаторов. Потом конец рабочего дня. Я иду домой, сворачиваю в переулок...

Тьма.

И больше ничего. Только этот странный мир, пахнущий смертью, с фиолетовым небом и пульсирующим туманом.

Ноги едва держат меня, когда я поднимаюсь. Вокруг, оказывается, десятки людей. Кто-то облачён в сверкающие доспехи, будто сошедшие со страниц фэнтези-романов.

У одного — шлем с гребнем, у другого — плащ до земли. Есть и другие, у них вообще никакой брони, только лохмотья. Или, как я, в обычной повседневной одежде, но нас на много меньше.

Я замечаю женщину в пижаме и тапочках. Мужчину в дорогом пальто, с оторванной пуговицей. Подростка в спортивной форме. Такой набор не бывает случайным.

— Эй! — мой крик тонет в гулком пространстве, звуча приглушённо. — Кто-нибудь! Что это за место?!

Но ответом мне служит лишь какофония чужих криков и стонов. Одни люди бегут, не разбирая дороги, другие прячутся за камнями, прижимаются к ним плечами, прячут лица в ладони. Третьи бормочут что-то невнятное, погружённые в свой собственный кошмар.

Кто-то смеётся, коротко, неуместно, как при истерике. Кто-то молится, повторяя одни и те же слова. От этого толпа кажется ещё страшнее: в ней нет общего поведения, нет “правила”.

Делаю несколько неуверенных шагов вперёд. Под ногой хрустит что-то прозрачное, тонкое, как стекло. Наклоняюсь и вижу обломок кристалла, переливающийся всеми оттенками синего.

Я поднимаю его, и он тут же холодит кожу. Это не спецэффект. Выходит, и всё остальное... тоже?

Перед глазами вспыхивает интерфейс, которого я не просил:

Выживание: 1/100

Эрудиция: 5/1000

Харизма: 2/100

Ближний бой: 0/100

Что это за навыки? Я учитель истории, а не воин!

Я знаю даты и причины войн, но не умею держать удар. И уж точно не умею убивать.

Пытаюсь закрыть интерфейс, но он не исчезает. Пробую снять обруч со лба — он сидит намертво. Дёргаю его, цара-

паю ногтями, но металл не поддаётся, и пальцы скользят по гладкой поверхности. Ноготь ломается, под ним вспыхивает мелкая, унижительная боль. Я не могу даже это.

— Нет, нет, нет... — шепчу, чувствуя, как паника сдавливает горло. — Это не может быть по-настоящему.

Но реальность слишком осязаема. Холодный камень под босыми ногами (когда я успел потерять обувь?!), чужие испуганные лица, странный интерфейс перед глазами — всё это слишком реально, чтобы быть сном. И с каждой секундой понимание этого становится всё более невыносимым.

Я опускаю взгляд на ступни: кожа уже содрана на пятке, там красная полоска. Я чувствую каждый камешек. Делаю шаг, потом ещё один. Мир вокруг всё ещё кажется нереальным, размытым кошмаром. Интерфейс дёргается, экран в поле зрения белеет. Перед глазами опять вспыхивает текст:

Вы были выбраны. Добро пожаловать в „Альтхейм“.

Правила просты: выживите. Победите. Или умрите.

Победитель получает всё. Остальные — ничего.

Удачи, участник № 47

— Выбраны?! Кем?! За что?!

Но тишина — единственный ответ. Только безжалостный таймер в углу экрана

55 минут до "Кровавого события"

Я сжимаю кулаки до боли, до белых костяшек. Пытаюсь собраться с мыслями, привести их в порядок. Думай, Влад, думай!

Как историк, я всегда искал логику в хаосе событий. В каждом историческом периоде есть своя цепочка причин и следствий. Даже у паники есть структура: толпа сначала шумит, потом выбирает лидера, потом находит жертву. Я видел это в хрониках. И в школьных коридорах.

Но здесь... здесь всё выглядит как безумный сон, от которого невозможно проснуться.

Кто-то резко толкает меня в плечо, да так, что я сбиваюсь с шага. Я оборачиваюсь и замираю. Сердце делает глухой удар.

Передо мной стоит девушка. Не такая, как остальные: на ней лёгкие, но явно прочные доспехи из материала, похожего на чешую огромной рептилии. Пластины переливаются приглушённым серебром, ловя отблески фиолетового неба. На поясе короткий клинок в простых, но надёжных ножнах. Он висит правильно: рукоять под рукой, ремни подтянуты, ничего не болтается. Явно знает что, зачем и почему.

Её движения резкие, уверенные. Лицо частично скрыто капюшоном, но взгляд... холодный, цепкий: он режет по мне сверху вниз, оценивая.

Я ловлю себя на простой мысли: она явно знает что тут творится. И, возможно, именно от неё зависит моё выживание в этом безумном мире.

— Ты кто? — спрашивает она без тени сочувствия.

— Влад... — я сглатываю. — Учитель истории. Меня... похитили.

Слова “учитель истории” звучат здесь нелепо, как бейджик на тонущем. Она это тоже явно понимает. Фыркает, оглядывает меня с пренебрежением — босого, в школьной рубашке и абсолютно растерянного.

— Слушай, — говорит, не дожидаясь ответа, — если хочешь выжить, держись за мной. Но не мешай.

— Что это за место? — пытаюсь спросить, но она уже делает шаг назад, готовая исчезнуть в этой безумной реальности.

— “Альтхейм”, — бросает через плечо, не оборачиваясь. — Ад, из которого либо выбирают, либо гниют.

Воздух содрогается от низкого гула. Он проходит через камень под ногами, отдаётся в коленях. Где-то внутри у меня поднимается животный сигнал: “прячься”. Я не знаю почему, просто знаю.

Я поднимаю глаза и застываю. В небе появляется красный круг, медленно сжимающийся, как метка, которую кто-то выжёл на небе. Он растёт и от него расходятся волны багрового света, заливая всё вокруг зловещим сиянием.

Кровавое событие: дикие звери. Зона сокращения — 30 минут

— Дикие звери? — шепчу я, чувствуя, как холодеет спина. — Зона сокращения?

Это звучит как сюжет фильма ужасов, но я не в кино. Я здесь, в самом эпицентре кошмара.

Закрываю глаза, пытаюсь найти в памяти что-то, что мо-

жет помочь. Мои ученики часто спрашивали: "А как бы вы поступили в Средневековье, если бы вас схватили разбойники?" Я отвечал: "Сначала — понять правила игры. Потом — найти слабое место".

Тогда я говорил это спокойно, с улыбкой, так, словно любые разбойники существуют только в учебнике. Сейчас мои же слова звучат издёвкой.

Смотрю на таймер:

50 минут

Понимаю с леденящей ясностью: если я не найду способ выжить, если не придумаю план и не найду выход, то через час меня просто не станет.

Мозг цепляется за "час" как за понятную единицу. Час — это урок. Час — это дорога домой. Час — это "ещё успею". А здесь час — это срок.

Моё тело сотрясается мелкой дрожью, но причина не в холоде. Это липкий, всепоглощающий, проникающий в каждую клеточку страх. Осознание обрушивается тяжёлым молотом: это не сон, не розыгрыш, это реальность, жестокая и беспощадная.

"Я должен выжить", — эта мысль бьется в висках, как набат. Должен выжить ради учеников, которые ждут меня на уроках. Должен выжить ради мамы, которая не переживёт потерю. Должен выжить хотя бы ради самого себя.

Делаю глубокий вдох, собираю остатки самообладания и поднимаю голову. Смотрю на красный круг в небе, на исче-

зающую в сумраке фигуру девушки. Во мне что-то ломается и тут же становится на место.

Я всё ещё боюсь. Просто страх перестаёт быть оправданием.

— Ладно, — произношу вслух, твёрже, чем я сам того ожидал. — Давайте ваши правила. Я их разгадаю.

Без колебаний бросаюсь вслед за незнакомкой. Каждый шаг отдаётся в голове глухим эхом: "Выжить. Выжить. Выжить". Не знаю, куда она направляется, не знаю, можно ли ей доверять. Но стоять на месте, всё равно что подписать себе смертный приговор, а я не могу позволить себе такой роскоши.

Я бегу за ней не потому, что верю ей. Потому что она единственная, кто двигается так, как будто знает, что делает.

— Подожди! — кричу, пытаюсь её догнать. Босые ноги скользят по острым камням, но я не останавливаюсь, превозмогая боль. — Объясни хотя бы, куда мы идём!

Она замедляет шаг лишь на мгновение, едва поворачивает голову:

— Туда, где есть шанс. Если у тебя хватит духу его использовать.

Её слова не вселяют уверенности, но дают хоть какую-то цель. Сжимаю кулаки до хруста в суставах и продолжаю бежать.

Выбор прост и безжалостен: либо следовать за ней, либо остаться здесь и ждать неизбежного. И в этой ситуации у ме-

ня нет права на ошибку и времени на сомнения.

Я бегу, и с каждым шагом решение становится всё твёрже. Бегу, потому что у меня нет другого выбора. Бегу, потому что должен выжить.

Глава 3. Бег сквозь ад

Влад

Мы мчимся по каменистому плато. Мои босые ноги то и дело скользят по неровной поверхности, острые камни царапают ступни, и каждый шаг отдаётся в висках глухим, болезненным стуком. Кожа на пятках уже горит от боли, как натёртая до мяса. Я наступаю и в мозг летит вспышка: больно. Снова. И снова.

Воздух рвётся в лёгкие рваными глотками, обжигает горло так, что я начинаю кашлять на вдохе. Ветер свистит в ушах, пробирает до костей, но даже его вой не перекрывает того, что происходит позади — там, на площади, где ещё несколько минут назад была толпа испуганных людей. Сплошной шум, как в стадионном секторе. Только это не матч.

Теперь там настоящий ад.

Я мельком оборачиваюсь, всего на долю секунды, но этого хватает, чтобы увидеть картину, от которой меня прошибает холодным потом: двое сцепились в схватке. Один пытается задушить другого голыми руками, пальцы впиваются в горло с нечеловеческой силой. Лица искажены яростью, глаза выпучены, зубы оскалены. Это уже не люди.

Чуть дальше неподвижное тело, скрюченное, в неестественной позе, в луже тёмной, почти чёрной крови, которая

на фиолетовом камне выглядит особенно резко. А над ним фигура в рваном плаще, склонилась низко, методично обшаривает карманы, время от времени поднимая окровавленный нож, и проводит большим пальцем по лезвию — проверяет кромку, как мастер перед работой.

Убийство. Настоящее, безжалостное.

У меня в голове вспыхивает глупая школьная мысль: “так нельзя”. И сразу гаснет. Здесь никто не спрашивает, что можно.

— Не оглядывайся! — режет воздух голос девушки. Она даже не поворачивает головы, но я чувствую её раздражение и презрение ко мне. — Если остановишься — умрёшь.

Облака сгущаются, превращаются в пульсирующую массу, от которой расходятся волны зловещего сияния. Свет то давит, то отпускает, как аварийная лампа. От этих вспышек расстояния обманывают: камни “приближаются”, пропасти “исчезают”.

Я пытаюсь сосредоточиться, но перед глазами пляшут строки интерфейса.

Выживание: 1 → 2/100

Эрудиция: 5/1000

Харизма: 2/100

Ближний бой: 0/100

Что это значит? Почему "выживание" выросло? Когда?! Я не сражался. Не уклонялся от ударов. Я просто бежал, спотыкаясь, хватая ртом воздух, чувствуя, как пот стекает по

спине. Может, само движение — уже навык? Или система засчитывает адреналин и напряжение мышц?

Мысль цепляется за цифры. За них можно держаться: цифры — это порядок. Порядок — это то, что я умею.

Мы огибаем острый выступ скалы, и камень царапает ладонь, я едва не падаю, но успеваю ухватиться за выступ. Внизу пропасть, тёмная, бездонная, откуда тянет холодом и запахом гнили.

Запах, влажный и тяжелый, поднимается снизу волной. У меня сразу сводит челюсть: тело решает, что там смерть, и делает всё, чтобы я не смотрел.

— Что... что мне делать?! — выкрикиваю, голос срывается, звучит жалко. Я едва успеваю перепрыгивать через острые выступы, ноги подкашиваются, дыхание сбивается. — Я не понимаю! Объясни!

Девушка на миг замедляет бег, бросает на меня ледяной взгляд, и я понимаю, что в её глазах ни капли сочувствия, только холодная расчётливость.

— Бежать! — отрезает она. — И не мешать!

Она вновь устремляется вперёд, её фигура сливается с багровым сумраком. Я смотрю на её спину, на клинок, покачивающийся у пояса, и понимаю: для неё я не союзник. Не напарник. Я лишний груз.

Но я не могу остановиться.

Потому что позади — смерть.

А впереди хоть какой-то шанс.

Мы ныряем в узкий проход между скалами. Стены сжимаются по бокам, едва позволяя пройти. Я чувствую, как шершавый камень царапает плечи, а где-то над головой скребёт что-то невидимое — то ли ветер, то ли... не ветер.

Поднимаю голову, и тут же получаю песком в глаза. Моргаю, шурюсь, и всё равно бегу.

Здесь темно. Густая тьма, пропитанная запахами: сыростью, гнилью, чем-то сладковато-металлическим, запахом старого железа, как в травмпункте, где моют пол после ночной смены. Я втягиваю этот смрад и едва сдерживаю рвотный спазм.

Девушка движется с грацией дикой кошки, почти невесомо. Её шаги не издают ни малейшего шороха, ни единого скрипа подошвы о камень. Она двигается так, словно знает этот проход телом: пригибается, находит опору там, где я вижу только тень и неровность.

А я... Я снова спотыкаюсь. В который уже раз за эту погоню. Острый выступ впивается в голень, и боль вспыхивает яркой искрой, пронзает ногу до колена. Я цыкаю сквозь зубы, пытаюсь удержать равновесие, но ладонь скользит по мокрому камню, и я едва не валюсь на землю. В последний момент успеваю схватиться за выступ, сдирая кожу до крови.

Быстрое, вязкое тепло бежит по пальцам. Я инстинктивно

прячу ладонь к груди, как ребёнок, и тут же злюсь на себя за это.

— Тц, — доносится от девушки. Она даже не оборачивается, продолжая движение вперёд. — Если будешь так шуметь, нас найдут.

Я открываю рот, чтобы ответить, но слова застревают в горле. В лёгких не хватает воздуха — я дышу громко, слишком заметно для этого места. Моё дыхание эхом отражается от стен, и мне кажется, что я сам выдаю себя быстрее любого фонаря.

Я пытаюсь дышать тише. Не получается.

Но отступить некуда. Приходится стиснуть зубы и продолжать путь, стараясь хотя бы немного подражать её бесшумной походке.

Я переставляю ноги медленнее, и тут же отстаю. Ускоряюсь — снова грохочу. Выбор между “быстро” и “тихо” выглядит издевательством.

И вдруг...

Резкий свист разрезает воздух. Я не успеваю вскрикнуть, даже подумать, как девушка молниеносно дёргает меня за рукав. От этого резкого движения плечо пронзает острая боль, но я не успеваю её осознать.

Я заваливаюсь на бок, ударяюсь бедром о твёрдый камень, и воздух выбивает из лёгких одним коротким “уф”. Я пытаюсь вдохнуть, но поздно: в проходе уже летит смерть.

Толстый металлический шип, покрытый смертоносными

зазубринами, как огромный рыболовный крючок, рассчитанный на человека, проносится в считанных сантиметрах от моего лица. Он впивается в стену с глухим, плотным стуком, от которого по камню пробегает дрожь.

— Ловушка, — холодно произносит девушка, отпуская мою руку. — Ты бы уже был мёртв.

Я не могу оторвать взгляда от шипа. Он подрагивает в стене, дрожит мелко, как мышца после судороги. Его поверхность покрыта тёмным налётом. Не пойму в полумраке, то ли ржавчиной, то ли...

Кровь?

Моя ладонь всё ещё горит от недавней ссадины. Я поднимаю её и вижу на коже алые полосы, капли влаги. Пока что это не моя кровь. Пока что — ключевые слова. Я слышу их у себя в голове и ненавижу себя за эту мысль.

— Спасибо... — шепчу, замечая, что мой голос звучит жалко, тоненько, как у испуганного ребёнка.

Но она даже не оборачивается. Её силуэт уже растворяется в полумраке, она продолжает путь, как если бы не случилось ничего особенного.

— Благодарности оставь на потом, — доносится её бесстрастный голос. — Если выживешь.

Я заставляю себя двигаться. Один шаг, другой. Ноги дрожат, колени подгибаются, но я продолжаю идти. Потому что знаю: остановиться сейчас, равносильно тому чтобы стать мишенью для следующей ловушки. И я иду вперёд, стиснув

зубы, преодолевая боль и страх, потому что альтернатива — смерть, а я ещё не готов встретиться с ней лицом к лицу.

Стараюсь ставить ступню так, как она: сначала носок, потом пятка. Слышать камень. Не давить. Я делаю это плохо, но делаю.

Глава 4. Здесь все бойцы

Влад

Их фигуры я замечаю не сразу — трое мужчин сгрудились над неподвижным телом четвёртого. Я вижу их, когда мы вылетаем из-за скалы где свет от багрового неба делает всё плоским, как на плохом видео.

Один из них, коренастый громила с бугристыми руками, деловито обшаривает пояс лежащего, сдирая с него какой-то мешочек. Его движения уверенные, отработанные, он делает это привычно, без мысли, на автомате. Второй, высокий и костлявый, держит наготове тяжёлую дубину, его глаза настороженно сканируют окрестности. А третий, щуплый тип с бегающими глазками, возится с примитивным арбалетом, пытается привести его в боевое положение.

Он дергает тетиву дважды, ругается себе под нос. Не герой. Не монстр. Просто нервный человек с оружием.

Замечаю, как на боку у лежащего медленно расползается тёмное пятно, впитываясь в ткань одежды. Кровь... Пальцы его левой руки всё ещё судорожно сжимают рукоять ножа, так и не успевшего покинуть ножны.

Я знаю этот жест. Так держат ключи в подъезде, когда боются. Только здесь в руке нож, и он не помог.

Мы с девушкой выныриваем из-за скалы одновременно,

и в тот же миг все трое вскидывают головы, их глаза расширяются от неожиданности.

Молчание длится всего долю секунды. Трое бандитов застыли в разных позах: один с мешочком в руках, второй с поднятой дубиной, третий с недозаряженным арбалетом. Их взгляды прикованы к нам, в них читается смесь жадности, злобы и расчёта.

Я успеваю подумать странную вещь: они смотрят не на меня, а на наши руки. Есть ли оружие. Есть ли смысл тратить время.

И я понимаю: эта встреча может стать последней в нашей жизни.

Коренастый, не раздумывая, бросает украденный мешочек и хватается за тяжёлую дубину. Высокий издает нечленораздельный рык и замахивается своим оружием. Щуплый наконец-то заканчивает натягивать тетиву арбалета, но его пальцы предательски дрожат, прицел неумолимо гуляет. Дрожь у него такая же, как у меня. Только я дрожу пустыми руками.

Девушка даже не замедляет своего шага, её движения спокойны и уверенны.

Клинок вылетает из ножен с тихим, почти ласковым шелестом. Первый удар молниеносен, точен — прямо в горло тому, что с арбалетом. Лезвие входит быстро, без усилия, рассекая хрящи и сосуды. Щуплый издаёт странный, булькающий звук, роняет оружие и хватается за шею, но уже слиш-

ком поздно: кровь хлещет между пальцев, глаза расширяются от непонимания, а потом он падает, дёргаясь коротко, рваными движениями, и затихает.

Я не успеваю отвести взгляд. И это хуже всего.

Высокий с яростным рёвом бросается вперёд, занося дубину для удара. Но девушка не отступает — наоборот, она делает шаг к нему, уходя с линии атаки. Её тело изгибается, нога точно врезается в подколенный сгиб противника. Он теряет равновесие, заваливается вперёд. В следующую секунду её клинок уже движется к цели: резкий, короткий удар в висок. Дубина с грохотом падает на камни, а сам нападавший оседает, тяжело, без звука, как мешок, который поставили и отпустили.

Третий, коренастый, видит всё это. Его лицо искажается от ужаса, он делает шаг назад, потом ещё один и срывается в паническое бегство. Но девушка уже рядом.

Она хватает его за плечо, разворачивает одним молниеносным движением так, что его тело теряет всякую устойчивость. Движение заканчивается ударом. Лезвие входит точно между рёбер — неглубоко, но смертельно верно. Коренастый хрипит, пытается что-то сказать, только девушка уже отпускает его. Он падает на колени, хватается за рану, затем валится на бок, его пальцы скребут по камням, оставляя кровавые полосы.

Всё происходит за считанные секунды.

Звуки возвращаются рывком. Шум моего дыхания. Где-то

далеко вой. Под ногами мелкий хруст камня, когда я непроизвольно переступаю.

В ушах звенит, сердце колотится тяжело и глухо, а перед глазами всё ещё стоит картина этой быстрой, безжалостной расправы.

Я стою, парализованный ужасом.

Это не тренировка. Не кино. Это — убийство.

Четыре тела. Четыре человека, которые ещё минуту назад были живыми. Теперь они лежат, как сломанные куклы, а кровь медленно растекается по серым камням, впитываясь в трещины.

Их же кто-то ждёт...

Тут же понимаю, насколько это детская мысль.

Девушка вытирает клинок о плащ убитого, движения её спокойные, почти будничные. Затем поворачивается ко мне.

— Ну что, учитель, — её голос пропитан презрением, — ты так и будешь глазеть или всё-таки начнёшь соображать?

Я глотаю ком в горле. Язык прилипает к нёбу, слова не идут. Всё, что я могу, так это смотреть на неё, на окровавленный клинок, на мёртвых.

Пытаюсь вдохнуть через нос, и запах ударяет сильнее. Сырость, железо, грязь. Я морщусь, как идиот. Какая разница, чем пахнет, когда рядом четыре трупа.

— Я... я не боец... — наконец выдавливаю из себя.

— А здесь все бойцы, — она резко пинает камень, и из трещины выползает что-то похожее на сколопендру, только

размером с руку. Тело длинное, сегментированное, покрытое хитиновыми пластинками, а на конце — жало, бледное и влажное. — Или добыча. Выбирай.

Она делает шаг вперёд, каблук опускается на тварь с хрустом. Та извивается, но уже бесполезно: хитин трескается, из-под подошвы сочится мутная жидкость. Мне почему-то легче смотреть на эту мелкую гадость, чем на человека, которого только что убили. И от этой мысли меня мутит ещё сильнее.

Девушка наклоняется, поднимает с земли небольшой кожаный мешочек, тот самый, что коренастый сорвал с пояса убитого. Бросает его мне.

— Вот. В ней вода и сушёное мясо. Если хочешь жить, то поешь на ходу. А сейчас быстро выбрал себе ботинки и оружие.

“Ботинки” звучит почти смешно. Как будто мы на школьной экскурсии и забыли сменку. Но мои ноги реально босые. И это уже не смешно.

Я ловлю мешочек, но руки дрожат так, что едва не роняю. Кожа холодная, скользкая от крови. Я сжимаю пальцы крепче, пытаюсь удержать, но ладони потеют, а в голове стучит только одно: я должен выжить.

Где-то вдали раздаётся низкий, протяжный вой. Он пол-

зёт по ущельям, отражается от скал, множится, и в какой-то момент я перестаю понимать, один он или много. От этого звука волосы на затылке встают дыбом, а по спине катится холодный пот.

— Это ещё что?! — я резко оборачиваюсь, ищу источник звука, но вокруг лишь острые грани камней, тени и ощущение, что за нами наблюдают.

Девушка даже не замедляет бег. Её стремительный силуэт мелькает впереди.

— Монстры, — бросает она через плечо сухо. — "Кровавое событие" началось. Если не найдём укрытие за пару минут — нас разорвут.

Она говорит это как "если опоздаем на поезд". У меня внутри всё протестует: так не говорят о смерти.

Мы мчимся сквозь лабиринт скал — узкий, извилистый, созданный для того, чтобы путать, заманивать в тупики. Каждый поворот открывает новые ужасы. Я не успеваю запоминать дорогу. Голова занята одним: не упасть, не остановиться, не отстать.

На стенах странные символы, выгравированные с пугающей аккуратностью. Они похожи на письма древнего культа: круги, перечёркнутые линиями, глаза с вертикальными зрачками, спирали, от которых рябит в глазах. Я пытаюсь прочесть их смысл, но они ускользают, оставляя лишь ощущение неправильности. Ловлю себя на профессиональном автоматизме: "похоже на...", "эпоха...", "кто мог...". И тут

же обрываю: у меня нет права быть умным, если я мёртвый.

В расщелинах — останки. Кости, полуразложившиеся тела, обтянутые ссохшейся кожей. Кто это, животные или люди, понять невозможно. Некоторые лежат в неестественных позах, другие застыли в вечном крике. Воздух пропитан сладковатой вонью разложения. Я дышу через рот. Так хуже, но иначе хочется плевать.

На камнях — капли. Они светятся тусклым зелёным светом, похожим на густую слизь с подсветкой, как у дешёвых игрушек. Когда я нечаянно задеваю одну ногой, она тянется, прилипает к подошве, а потом медленно стекает, оставляя липкий след.

Нога скользит. Я чуть не падаю. Девушка даже не оборачивается, просто ускоряется.

Я задыхаюсь. Лёгкие горят, ноги подкашиваются, но страх гонит вперёд — быстрее, ещё быстрее.

Моя проводница останавливается так резко, что я чуть не налетаю на неё. Её рука взлетает:

— Тихо.

Я замираю, прижимаясь к холодной стене. Сердце колотится о рёбра так громко, что, кажется, его слышно на весь лабиринт. Дышать боюсь, только глотаю воздух короткими, рваными глотками. Пытаюсь вдохнуть тише, но выходит свист. Я зажимаю рот ладонью, как будто это может помочь.

Из-за поворота доносится скрежет. Такой... как длинные когти по камню — медленно, с нажимом. Сначала один про-

тяжный след, потом второй. Проверка. Метка. Звук приближается, становится громче, отчётливее.

Девушка медленно, почти бесшумно вытаскивает клинок. Её пальцы сжимают рукоять с такой силой, что белеют костяшки. Она не смотрит на меня, только вперёд, в темноту. Я вижу, как у неё двигается горло — один сухой глоток. Всё. Больше никаких признаков страха.

Мимо проходит нечто.

Сначала я вижу только тень — длинную, изогнутую, с неровными контурами. Потом очертания: длинные лапы, тонкие, как у богомола, но увенчанные кривыми когтями, которые царапают камень с мерзким скрежетом. Спина, покрытая костяными пластинами, выступающими, как шипы на доспехах, а голова — не звериная, не человеческая. Что-то среднее: череп вытянут, как у ящера, но глаза... человеческие. Большие, тёмные, с вертикальным зрачком, они скользят по стенам, по полу, по нам — но не задерживаются.

Существо принохивается. Из его пасти вырывается утробный звук. Оно делает ещё шаг, потом ещё и скрывается за поворотом. Только когда оно исчезает, я замечаю, что всё это время стоял, сжав зубы так, что болит челюсть.

Звук его когтей растворяется, и на секунду остаётся только моё дыхание.

Когда шаги стихают, девушка поворачивается ко мне.

— Ты медленный. Ты шумный. Ты — обуза, — говорит она ровно, без злости, без раздражения. Просто констатиру-

ет факт.

Я хочу ответить. Хочу сказать, что стараюсь, что не виноват, что это всё слишком для меня. Но слова застревают в горле.

Потому что она права.

И потому что если я не найду в себе силы идти дальше — следующий скрежет когтей будет последним, что я услышу.

Глава 5. Укрытие

Катя

Мы втискиваемся в узкую расщелину, настолько тесную, что едва хватает места, чтобы прижаться к камню и не высовываться. Я буквально втаскиваю Влада внутрь, чувствуя, как его дрожащие пальцы судорожно цепляются за мой рукав. Его дыхание вырывается короткими, прерывистыми всхлипами, а тело дрожит, мелко, по-животному, который только что понял, что может умереть.

Слишком шумный. Слишком медленный. Слишком неопытный.

Но пока что живой. И это уже что-то.

Снаружи раздаётся протяжный вой. Он то затихает, уходит дальше, то накатывает снова, как будто кто-то проверяет периметр по кругу. Монстры кружат вокруг, скребут когтями по камням, обнюхивают каждый выступ в поисках добычи. Один раз, слишком близко, буквально в нескольких метрах от укрытия, я ловлю их запах: гниль, металл и вязкая слюна.

Металл здесь не “как железо”. Как монеты во рту. Как кровь на языке. Я невольно сжимаю челюсть.

Влад замер, почти перестал дышать. Это хорошо. Если бы он продолжал так шумно дышать и паниковать, нас бы уже

нашли. Его присутствие здесь, это постоянный риск.

Я ловлю себя на раздражении: он даже молчит громко. Потом понимаю, что это не он — это моя голова так злится, чтобы не бояться.

Бросаю на него быстрый взгляд. Он буквально врос в стену, вдавился в камень всем телом, как в дверь, которую хочется удержать. В широко распахнутых глазах застыл первобытный ужас, а побелевшие губы сжались в тонкую линию. На щеке виднеется свежая царапина, из неё медленно стекает кровь. Он даже не замечает.

Какой же он беспомощный... никчёмный.

И всё же в этом есть странность, которая цепляет.

Зачем я спасла его? Этот вопрос крутится в голове, как заноза, и не даёт спокойно слушать шаги снаружи.

Он не боец. Ни капли воинского духа. Не разведчик, даже элементарные ловушки не замечает. Не союзник — от него больше шума, чем пользы. С ним я тащу лишний вес. Каждый шаг рядом с ним, это риск. Каждый его вздох, каждый неловкий шорох, как сигнал: “мы здесь”.

Но... почему тогда я не оставила его у той ловушки? Почему дёрнула за рукав, когда шип уже летел к его горлу?

Пытаюсь найти ответ, перебираю варианты, как если бы от выбора формулировки зависело, станет ли это “ошибкой” или “решением”. Рациональность говорит: промах. Лишняя трата сил.

Я вспоминаю его лицо тогда.

Не истеричный вопль. Не паническое метание. Не попытка закрыться руками — как делают почти все. Нет. Он удивился. По-детски, тупо и честно — как будто ему только что показали, что в этом мире нет “понарошку”.

В его глазах не было хитрости, не было расчёта, не было даже злости. Только страх без примесей, и из-за этого он выглядит беззащитнее, чем должен.

Толпа. Паника. Кто-то уже дрался за оружие, кто-то искал выход, кто-то просто замер, парализованный. А он... он стоял в стороне, как тот, которого забыли “ввести в курс”. Его взгляд скользил по лицам, по камням, и не цеплялся. Он не искал оружие. Не прикидывал пути отхода. Не оценивал угрозы.

В тот момент я почти прошла мимо. Но что-то остановило. Может, именно эта беспомощность. Или то, как он вздрогнул от крика рядом, и сжал кулаки, не для удара, а просто чтобы не рассыпаться.

Тогда я сказала: "Если хочешь выжить — держись за мной. Но не мешай".

Почему?

Я не знала. Не могла объяснить. Возможно, это был вызов самой себе: сможешь ли ты протащить через это место человека, который даже не понял, где оказался? Или просто глупая жалость, которую я давно училась давить.

Раньше я её давила так же, как давят слёзы: проглотил и идёшь дальше. Здесь иначе нельзя.

А ещё — слухи.

Я слышала их. Шёпотом, в укромных углах, между теми, кто не верил в “добровольное участие”. Говорили, что не все здесь по своей воле. Что кого-то похищают. Заставляют играть. Я смеялась. Считала это байками: удобными оправданиями для тех, кто проигрывает.

Но теперь...

Теперь, глядя на Влада, я сомневаюсь.

Его движения неуклюжие. Его глаза слишком открытые, слишком честные. Он не притворяется. Он правда не знает, как выжить и что тут происходит.

И это не “новичок”. Новички обычно уже с маской: “я справлюсь”. У него маски нет.

И это самое странное.

Потому что в этом мире, где каждый либо хищник, либо жертва, где милосердие это роскошь, а сострадание — слабость, я вдруг понимаю: я не могу его бросить.

Не потому, что он нужен мне.

Не потому, что от него есть польза.

А потому, что если я оставлю его, то это будет не только отказ от обузы. Это будет отказ от чего-то... человеческого.

Что-то во мне не хочет терять это.

Даже если это глупо и опасно.

Время тянется медленно, каждая секунда наливается тяжестью. "Кровавое событие" не спешит заканчиваться, оно просто идёт своим ходом. Как погода. Как эпидемия. Ему всё равно, кто здесь "достойн".

Снаружи топот. Глухой, мерный, как тяжёлые шаги по камню, когда несут что-то большое. Потом скрежет: когти царапают породу, оставляют борозды, и этот звук лезет под кожу. Низкий рык — не один, а несколько голосов, которые то расходятся, то снова сходятся.

Один из монстров проходит так близко, что я чувствую, как дрожит камень под его лапами. Дрожь идёт по стене и переходит в мою грудь. Я задерживаю дыхание, стараюсь стать частью скалы.

Влад не шевелится. Только глаза, расширенные, блестящие в полумраке, держатся за моё лицо, как за последнюю инструкцию. Что он хочет увидеть? Надежду? Утешение? Обещание, что всё будет нормально?

Ничего. Я не дам ему этого. Здесь нет "всё будет нормально". Здесь есть "пока не умерли".

— Не смотри на меня, — шепчу, не поворачивая головы. — Смотри вперёд. Если что-то увидишь — скажешь. Тихо.

Он кивает. Губы дрожат, но он молчит. Хорошо. Молчание — его лучшая защита сейчас. Любой звук может стать последним.

Я закрываю глаза на секунду, слушаю. Мозг работает как машина: разбирает, сортирует, раскладывает звуки по по-

лочкам.

Три монстра. Может, больше — эхо здесь врёт. Двигутся по кругу, но не хаотично: методично, как охотники. Они знают, что мы где-то рядом. Просто ждут.

Один ранен: я слышу хрип, прерывистое дыхание. Он отстаёт, но всё ещё опасен. Они голодны. Но не безумны. Не бьются о стены. Не ломятся вслепую. Они ждут.

Тишина обрушивается внезапно.

Я не верю сразу. Прислушиваюсь, напрягая все чувства. Ни топота, ни скрежета. Только, пустой, раздражающий ветер.

Он трогает лицо и словно говорит: "Всё позади". Врёт. Я знаю, что ветер здесь ничего не обещает.

Я поднимаю руку. Короткий жест и Влад понимает без слов. Медленно, осторожно, не отрывая спины от стены, мы выползаем из расщелины.

Небо снова фиолетовое, без багровых всполохов. "Кровавое событие" закончилось. Оно ушло, оставив следы и запах — и это не "страх" в общем, а конкретная вонь слюны и гнили, которая въелась в камень.

Я оглядываюсь. Вокруг свидетельства их присутствия: глубокие борозды от когтей, врезаемые в камень, клочья шерсти, прилипшие к скалам, тёмные пятна на камнях — то ли кровь, то ли что-то другое. Монстры ушли. Или сдохли. Неважно. Главное, мы живы.

Влад делает шаг вперёд, потом ещё один. Его ноги под-

кашляют, он хватается за камень, чтобы не упасть. Лицо бледное, на виске капля пота, стекающая к уголку рта. Он пытается что-то сказать, я вижу, как шевелятся губы, как в глазах вспыхивает слабый свет.

— Ты... — начинает он, но я перебиваю:

— Молчи. Пока не поймёшь, как выжить — молчи.

Он смотрит на меня. В его глазах... Вера. Плохая штука, когда её адресуют живому человеку.

И это раздражает.

Потому что я не знаю, смогу ли её оправдать.

Потому что я сама не знаю, куда мы идём. Я просто иду вперёд: остановка — это сдача.

Потому что если я позволю себе стать мягче хотя бы на пару минут, мы оба можем не дожить до вечера.

Но он смотрит на меня так, как будто я его якорь. Его выход. И от этого взгляда мне не по себе.

Я бы предпочла, чтобы он злился на меня. Боялся меня. Всё что угодно, только не “держался”.

the same time, the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) published a study that found that the use of a single, low-dose, long-acting antipsychotic medication was associated with a significantly higher risk of mortality compared with the use of a combination of two or more antipsychotic medications.

The study, which was conducted by researchers at the University of California, San Francisco, found that patients who were prescribed a single, low-dose, long-acting antipsychotic medication had a 25% higher risk of mortality compared with patients who were prescribed a combination of two or more antipsychotic medications.

The researchers concluded that the use of a single, low-dose, long-acting antipsychotic medication may be associated with a higher risk of mortality, and that the use of a combination of two or more antipsychotic medications may be associated with a lower risk of mortality.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was conducted by researchers at the University of California, San Francisco, and was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

The study was published in the *Journal of the American Medical Association* (JAMA) in the March 19, 2008 issue.

Глава 6. Они ждут

Катя

Мы наконец находим укрытие — нишу в скале. Глубокая, с низким сводом, а вход такой узкий, что приходится протискиваться боком, цепляя плечами шершавые стенки. Камень холодный, воздух пахнет пылью, старой породой и чем-то сухим, как в кладовке, которую не открывали годами.

Я первым делом провожу пальцами по внутренней кромке — ищу свежие царапины, слизь, волос, всё, что означает “тут кто-то живёт”. Пальцы возвращаются чистыми. Пока.

Единственное преимущество, в том что здесь нет сквозняка. Роскошь после открытых плато, где любой звук разносится далеко и возвращается эхом.

Я прислушиваюсь. Не “к тишине”, а к её форме: где глухо, где пусто, где есть второй объём. Ниша выглядит тупиком, и это хорошо.

Влад медленно опускается на каменный пол. Прижимается спиной к стене, закрывает глаза. Его грудь ходит часто, дыхание ещё рваное, но уже без паники. Усталость липкая, тяжёлая. Зато живая.

Я не позволяю себе расслабиться ни на секунду. Осматриваю углы, пол, потолок. Ищу следы: когти, тёмные пятна, засохшие брызги, отпечатки. Ничего.

Но в "Альтхейме" отсутствие следов — не гарантия. Иногда это просто означает, что тот, кто тут был, ничего не оставляет.

Мои пальцы сами находят рукоять клинка. Держать оружие почти как держать мысль: пока в руке есть вес, голова не расползается.

— Костёр не разжигаем, — говорю я, не глядя на Влада.
— Свет — приманка. Дым — дорожка. Сюда придут.

Он кивает. Даже не спорит. Это уже прогресс.

Я достаю из кармана обломок камня и кладу у входа. Метка. Если кто-то пролезет — я услышу.

В его глазах вопрос: "как согреться?". Он молчит, и за это я мысленно ставлю ему плюс. Здесь молчание иногда ценнее, чем нож.

— Отдохни, — говорю. — Но не проваливайся. Пока рано.

Он снова кивает, прислоняется затылком к стене. Веки тяжёлые, но он держит их открытыми из упрямства.

Упрямство я уважаю. Даже глупое.

Я остаюсь на входе. Слушаю.

Где-то далеко шорох. Камень осыпается? Ветер в трещине? Чужая лапа?

Я не выбираю версию. Я просто не отпускаю звук, пока он не исчезает или не повторяется.

Сейчас мы в укрытии. Живы. Остальное потом.

Влад открывает глаза и смотрит на меня, но я не снимаю

капюшон.

— Расскажи... — он запинаясь. — Как тут всё устроено? Какие правила?

Я хмыкаю — коротко, без смеха.

— Это "Альтхейм". Не игра в твоём понимании. Здесь не "умирают понарошку". Здесь ставка — твой мозг.

Он моргает, будто ищет в голове слово, которое объяснит, что я сказала.

— Корпорация "Нексус", — продолжаю я. — Они делают полное погружение. Официально — "испытание духа". На деле — шоу. Дорогое. Кровавое. Для тех, кому скучно жить безопасно.

— Выходит... нас смотрят? — голос у него тихий, но от этого не легче.

— Смотрят. Ставят. Обсуждают. — я произношу это ровно, но внутри у меня каждый раз скребёт одна и та же мысль: как это вообще возможно — платить за чужой страх?..

Он сглатывает.

— А почему я здесь? Я ничего не подписывал.

Я не отвечаю сразу. Не потому что играю в загадочность. Потому что это место не любит прямых слов.

— Большинство подписывает контракт, — говорю я. — Долги, отчаяние, шантаж... без разницы. Победителю дают десять миллионов и новую личность. Остальным могила без тела. И это даже не метафора. "Нексус" умеет делать так, что тебя не станет нигде.

— А если погибнуть здесь... — он не договаривает.

— Если погибнуть здесь, — перебиваю я, — нейросистема бьёт по голове так, что обратно уже не собрать. Не “больно”. Просто конец.

Влад смотрит в пол. Пальцы на коленях сжимаются и разжимаются, словно он проверяет, живые ли руки.

— И мы... в этом сезоне?

— Да. Сотня участников. — я киваю на темноту снаружи.

— И часть из них уже не доживёт до следующего “события”.

Он поднимает взгляд.

— А эти... навыки? Они настоящие?

— Настоящие ровно настолько, насколько настояща боль,

— отвечаю я. — Растут от того, что делаешь. Не от желания.

Он смотрит на мою руку, и я поднимаю ладонь.

Над ней вспыхивает интерфейс, только не цифры, а полосы-индикаторы. Мне так проще: одним взглядом видно, где я проваливаюсь, где держусь.

Скрытность — высоко;

Ближний бой — середина, растёт;

Выживание — стабильно;

Восприятие — дергается от каждого шороха снаружи.

— Видишь? — я поворачиваю ладонь. — Практика. Ещё есть “пороговые” вещи. Они не открываются, пока не сделаешь нужное количество раз. Например, парирование.

Интерфейс щёлкает уведомлением:

Вы освоили „Парирование“!

Влад вздрагивает.

— Это... у тебя прямо сейчас появилось?

— Да. — я сжимаю пальцы. — Не “в награду”. Просто мозг и тело наконец совпали.

Он торопливо поднимает свою руку. Его индикаторы тусклые, многие внизу.

— У меня всё... красное.

— Потому что ты только пришёл. — Я говорю без насмешки. У меня не выходит насмешка, когда на человеке видно чужое “почему”. — Здесь рост требует риска. Сидеть и ждать не получится.

— Тогда куда идти? — он почти шепчет. — Я не понимаю... как вообще выбрать направление.

— Карта, — говорю я и касаюсь воздуха.

Перед нами разворачивается проекция: зоны разного уровня. Зелёные, жёлтые, красные. Точки — места интереса. Некоторые мигают, как предупреждения.

— Мы сейчас в жёлтой, — показываю я. — Дальше — красные. Там сильнее твари, злее ловушки. И там же — то, ради чего люди сюда лезут.

— Квесты? “Сердце Альтхейма”... — он произносит это так, будто проверяет, реальное ли слово.

— Да. Легенда. — я убираю карту. — До него доходят единицы. Остальные исчезают по дороге.

Он молчит секунду, потом спрашивает тихо:

— Ты пришла добровольно?

Я замираю. И раздражаюсь на себя за то, что замираю.

— Да, — отвечаю ровно. — Мне нужны были деньги. Мама болеет. Лечение стоит как чужая жизнь. “Нексус” дал шанс. Я его взяла.

— Поэтому ты такая... жёсткая?

— Потому что мягкость здесь — это подарок тем, кто тебя съест, — говорю я. И добавляю чуть тише, почти себе: — И потому что я не могу позволить себе проиграть.

Он смотрит на меня, и в его взгляде я неожиданно замечаю попытку понять.

— Я хочу помочь, — говорит он. — Но я не знаю как.

— Научись выживать. Это и будет помощь. Если ты сможешь стоять сам, мне не придётся дергать тебя за рукава.

Он глубоко вздыхает, сжимает кулаки.

— Я постараюсь.

Я смотрю на него. Усталый, грязный, никчемный. И ловлю себя на мысли: может, правда постарается.

— Хорошо. — я чуть сдвигаюсь, освобождая ему место, где камень не режет спину. — Отдыхай. Завтра начнём.

Он не закрывает глаза. Поднимает взгляд.

— Можно спросить?

— Спрашивай.

— Как тебя зовут? Настоящее.

Я молчу чуть дольше, чем нужно. Здесь имена — слабое место. Имя это не звук, это крючок.

Но в его вопросе нет торга. Он просит признать меня жи-

вой.

— Катя, — произношу я. И имя звучит странно, сухо, как будто я вытащила его из кармана и не знаю, куда теперь положить. — Меня зовут Катя.

— Катя... спасибо.

И в этом “спасибо” нет вежливости. Там другое: я видел, что ты могла уйти и не ушла.

Я замечаю, что мой палец сам собой проверяет ремень на ножнах. Привычка. Или нерв.

— А я — Влад, — говорит он тихо. — Влад Бибенин. Мне двадцать восемь. Я... был учителем истории.

На слове “был” он резко глотает воздух, как будто горло сжалось.

— Меня похитили, — говорит он дальше. — Я не подписывал ничего. Они ждут... мои ребята. Если я пропаду, там начнётся... — он замолкает, но я слышу продолжение. Расследования, слухи, обвинения. Родители. Директор. Мама.

— Я не герой, — добавляет он. — Но я хочу научиться. Хочу выжить. Ради них.

Я молчу. Не из равнодушия. Из осторожности: если скажу что-то мягкое, он зацепится и начнёт ждать поддержки вместо действий.

— Тогда завтра, — говорю я. — С рассветом.

Он наконец закрывает глаза.

Я на секунду активирую “Восприятие”. Просто чтобы услышать дальнюю часть ущелья. В звуках появляется слой:

мелкие камни осыпаются справа, ветер гуляет в верхней трещине, и где-то далеко слева — тяжёлый шаг, один. Я запоминаю направление. Один шаг это ещё не опасность. Это метка: “они рядом”

И в этот момент в углу моего интерфейса вспыхивает уведомление:

Статус: „Привязанность“ (уровень 1)

Связь: Катя ↔ Влад

Эффекты:

+ к совместным действиям (реакции/прикрытие)

+ к сопротивлению панике рядом друг с другом

– к скрытности при разрыве дистанции

Доступно: приглушить связь / разорвать (штраф)

Я смотрю на строки и чувствую, как в груди появляется... Даже не знаю как самой себе объяснить. Это похоже на тонкую нитку, натянутую между нами. Её не видно, но она мешает дышать свободно. И одновременно — держит.

Я мельком смотрю на Влада: он спит, но его пальцы всё ещё сжаты, как у человека, который не доверяет даже сну.

На его ладони тоже мигает то же уведомление. Он его не видит.

Привязанность.

В этом мире это не романтика и не “дружба”. Это механика. Система заметила, что я дёрнула его из-под шипа. Что он пошёл за мной. Что мы пережили одно событие и не разбежались.

И да, связь можно приглушить. Можно даже разорвать. Только цена — штраф. И дело не в штрафе.

Я держу палец над словом “приглушить”. Ничего не нажимаю. Не сейчас. Пусть висит. Пусть будет риск, который я хотя бы вижу.

Глава 7. Утренний свет

Влад

Я просыпаюсь первым. Тело всё ещё напряжено, мышцы помнят недавние события, но разум постепенно возвращается.

Пару секунд я не понимаю, где потолок. Пару секунд жду привычного: окно, шкаф, телефон на тумбочке. Вместо этого камень и узкий вход, который даёт полоску света.

В нише царит предрассветная полутьма. Тот час, когда ночь ещё держится, а день только примеряется. Сквозь узкое отверстие входа пробиваются робкие лучи, но холод всё равно проходит под одежду, заставляя зубы слегка постукивать.

Только... странно... мне не так зябко, как должно быть. Я даже проверяю себя: может, просто онемел? Но нет, я чувствую пальцы, камень под лопаткой. Значит, есть причина.

Поворачиваю голову и замираю.

Катя спит, прижавшись ко мне так тесно, что я чувствую тепло её дыхания. Её капюшон съехал, обнажив лицо и тёмные, слегка спутанные волосы. Пряди лежат на щеке, одна прилипла к коже. Видимо, она ворочалась во сне и всё равно не нашла удобного места в этом каменном мешке. Она придвинулась ближе, и теперь её плечо упирается в мою руку.

От этого мне хочется пошевелиться и тут же не хочется.

Я не знаю, что правильнее: дать ей место или не трогать.

Я не шевелюсь. Боюсь спугнуть этот миг. Судя по всему, здесь, в "Альтхейме", все привыкли видеть друг в друге инструменты выживания или мишени. Но сейчас... сейчас она просто человек, который разрешил себе устать. И после вчерашнего это выглядит почти неприлично.

Впервые я вижу её лицо без капюшона.

Она... красива. Но не "глянцево". Не так, как на плакатах в метро. У неё широкие, выразительные скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, видимо след старой травмы. Губы полные, но упрямые; я прямо вижу, как они умеют говорить "нет" без объяснений. Во сне они чуть приоткрыты, и это делает её неожиданно беззащитной — совсем на секунду, пока не проснулась.

Кожа у неё живая, не безупречная. На виске тонкий шрам, почти теряется, если не всматриваться. На щеке родимое пятно, небольшое, как капля. На шее несколько мелких царапин.

Я ловлю себя на мысли, что перечисляю отметины, как на уроке: "признаки, по которым узнаём эпоху". Глупость. Но голова хватается за знакомые схемы.

Она сильная. Крепкая. Её тело не про "изящество". Про работу. Про выносливость. Широкие плечи, сильные руки, шея, которая выдержит удар.

И да — это видно даже во сне. Даже когда она расслабилась, в ней остаётся собранность. Как у человека, который

умеет вставать на ноги мгновенно.

И тут меня осеняет.

Боудикка.

Королева иценов, поднявшая восстание против римлян. Не классическая красавица по меркам античных скульпторов. В её облике была мощь и упрямство. Линия подбородка твёрдая, как решённый приговор. Скулы — те же. Нос тот же, прямой. Боудикка не старалась нравиться. Она заставляла считаться.

Катя похожа на неё. Не только лицом. Тем внутренним стержнем, который не ломается, даже когда мир давит.

Сейчас, во сне, она выглядит уязвимой. И это не отнимает у неё силы, наоборот, делает её настоящей.

Мне от этого становится неловко. Как будто я увидел то, чего она никому не показывает. Не специально. Но увидел.

Я ловлю себя на мысли, что не могу отвести взгляд. Хочу запомнить каждую деталь: как губы чуть приоткрыты, как прядь волос держится на щеке, как подрагивают ресницы. Хочу запомнить момент, когда она без брони. И тут же злюсь на себя: “запомнить” — будто мне есть время на такие коллекции.

Она шевелится.

Медленно, неосознанно, её ладонь скользит по моему предплечью, проверяя, на месте ли я. Я застываю, задерживаю дыхание. Сердце долбит так, что мне кажется, камень под спиной сейчас тоже это услышит.

Она не просыпается. Хмурится, потом расслабляется. Её пальцы на секунду сжимают мою руку, просто отмечая: да, рядом.

И это короткое почти случайное, прикосновение, пробивает меня чем-то тёплым и странным.

Я пытаюсь назвать это словом и не нахожу. Благодарность? Доверие? Нет. Не то. Просто... человеческое.

Я сижу, боясь пошевелиться, и думаю: как человек, который так спокойно смотрит в лицо смерти, может быть таким живым?

Свет становится ярче. Полосы на стенах превращаются в чёткие линии, и одна ложится ей на щёку. Волосы в этом свете перестают быть чёрными, появляются медные оттенки, как будто в них есть пыльца. Шрамы и отметины не выглядят “уродством”. Они выглядят историей.

Карта. Да. У каждого здесь карта. Просто у кого-то она на коже, у кого-то в голове.]

Я знаю: через минуту она проснётся, натянет капюшон, вернёт голосу железо. Снова станет Катей — собранной, жёсткой, без права на слабость. Снова будет говорить коротко и смотреть так, что хочется выпрямить спину.

Но сейчас она просто человек. Уставший. Настоящий. И в этом её красота.

Катя просыпается резко. Тело мгновенно переходит в боевую готовность: мышцы напрягаются, глаза распахиваются, взгляд режет пространство, отмечая каждую тень. Она отстраняется, поправляет капюшон, прячет лицо. Всё — за секунду. Маска на месте.

— Вставай, — бросает она. — Время не ждёт.

Я медленно поднимаюсь, преодолевая тяжесть. Каменный пол за ночь превратил каждую мышцу в туго натянутую струну; суставы ноют, словно их набили песком. Спина протестует, плечи горят, пальцы на ногах подрагивают от застоя.

Я пытаюсь встать тихо. Получается плохо. Камень всё равно хрустит под подошвой, и я ловлю себя на ожидании её взгляда.

Но я стискиваю зубы и заставляю себя выпрямиться. Знаю: для Кати это не характер. Это правило выживания. Здесь колебания заметны сразу, и их используют.

Делаю первый шаг, и тело отвечает протестом: колени хотят сложиться, стопы тяжёлые. Я втягиваю живот, поднимаю голову.

Учиться. Держаться. Не отставать.

Мы выходим из ниши.

Утро встречает нас серой дымкой. Это ещё не настоящий рассвет — свет просто пробует дотянуться сквозь плотный туман. Воздух свежий и холодный; он льётся в лёгкие, как вода из крана, когда её только включили, и отрезвляет. Туман лежит низко, цепляется за камни, делает всё вокруг рас-

плывчатым. В нём легко потерять направление.

Я пытаюсь выбрать “север” по привычке, и снова ловлю себя на этом. Тут мои компасы могут быть мусором.

Где-то вдали звучат шорохи, треск, как будто где-то скребут когтями по камню или по сухому дереву, я не разбираю.

Туман глушит эхо, размывает направление.

Катя идёт впереди, бесшумно, словно тень. Движения выверенные, экономные. Я следую за ней, стараясь не шуметь, но каждый раз, когда подошва цепляет камень или сухая ветка хрустит, я чувствую на себе её короткий взгляд.

От этого взгляда внутри поднимается неприятное — стыд. Мешающий. Опасный. Я давлю его, как могу.

Мы преодолеваем небольшой подъём, и она замирает.

Я останавливаюсь, задерживаю дыхание. Сердце стучит в ушах, но я заставляю себя слушать. Вспоминаю, как она говорила: “Смотри вперёд”. И смотрю. Хотя очень хочется посмотреть на неё, как на ответ.

Она прищуривается, поворачивает голову влево и вправо, словно ловит направление по звуку. Стоит так несколько секунд, потом едва заметно кивает:

— Можно идти.

Я выдыхаю медленно, через нос.

И мы движемся дальше. Сквозь туман, чужую землю и мир, в котором ошибка не обсуждается.

Глава 8. Я учусь выживать

Влад

Через полчаса пути ландшафт меняется: мы выходим к каменистому склону, где природа, или, скорее, создатели этого мира, словно скинули сюда камни разного размера и ушли, не собирая. Огромные валуны, плоские плиты, острые осколки — всё перемешано без видимого порядка, образуя лабиринт трещин и расщелин. Некоторые камни нависают, готовые сорваться вниз, другие вросли в землю так плотно, что кажутся частью монолита. Между ними пробиваются пучки жёсткой травы, цепляясь корнями за малейшие неровности.

Под подошвой то скрипит песок, то хрустит мелкая крошка. Камень тут не “пол”, а живой мусор — постоянно уезжает из-под ноги.

Катя резко останавливается, поднимает руку. Её взгляд скользит по поверхности, отмечая каждую мелочь: микроскопические углубления, сколы, тени в трещинах. Она присаживается на корточки, опускает ладони на камень. Касается так, как люди трогают лоб ребёнка — проверяют температуру. Проводит подушечками по шершавой поверхности, задерживается на едва заметных впадинах, слегка надавливает, проверяя, где камень “сухой”, а где липнет к коже.

— Смотри, — её голос звучит тише. Она указывает на углубление размером с ноготь. — Здесь конденсат. Если приглядеться, найдёшь места, где вода собирается за ночь. Это не ручей и не родник. Но это жизнь.

Я наклоняюсь, всматриваюсь до рези. Для меня камень остаётся просто камнем: серый, шершавый, в трещинах. Капель я не вижу. Я шурю, меняю угол, провожу ладонью по поверхности — пальцы скользят по сухим бороздкам.

— Не вижу, — признаюсь я. Стыд поднимается сразу, горячий, словно я снова на педсовете и меня поймали на том, что я не готов. Смешно: здесь можно умереть в любую секунду, а мне всё равно стыдно.

Она вздыхает коротко, без злобы. Прямо как я, когда в сотый раз объяснял очевидное ученику, который никак не мог ухватить суть.

— Вот поэтому ты и не выживешь, — её слова бьют точно, без украшений. — Ты не смотришь. Ты просто глядишь.

Для неё камень — это карта: след ветра, след ночной сырости, след температуры. Для меня — препятствие.

— Как... научиться? — выдавливаю я. Я знаю, что она не любит вопросов. Всё равно спрашиваю.

Она выпрямляется.

— Тренироваться. Каждый день. Каждую минуту. Вода — это жизнь. Если не найдёшь, через три дня тебя просто не будет. Факт.

Она достаёт небольшой контейнер — потрёпанный, с по-

тёртыми краями. Металл потускнел, но петли ходят ровно, крышка открывается с чётким щелчком. Катя наклоняет контейнер, проводит пальцем по камню, подхватывая каплю. Капля тянется тонкой дорожкой и падает внутрь. Она повторяет это ещё дважды, затем закрывает крышку и слегка встряхивает — внутри слышится тихий перелив.

— Попробуй.

Я беру контейнер — металл холодит ладонь. Наклоняюсь к камню, ищу глазами хоть что-то живое на этой серой поверхности. Наконец замечаю каплю — крошечную, дрожащую в углублении. Протягиваю палец, пытаюсь подвести её к краю... дергаю слишком резко. Капля срывается, убегает по грани и исчезает в трещине.

— Снова, — говорит Катя.

Я пробую ещё раз. Пальцы неловкие. На третий раз капля почти доходит до контейнера и соскальзывает в последний момент. На четвёртый — висит на коже, расплывается, и я понимаю, что я её грею. На пятый она всё-таки падает внутрь. Я слышу лёгкий “тинь” о металл и невольно улыбаюсь.

Улыбка выходит идиотская. Но я жив. И я смог.

— Уже лучше, — говорит Катя. — Но медленно.

В её голосе нет похвалы. Зато нет и прежней резкости. Это выглядит как отметка в журнале: “сдвинулся”.

Дальше — открытое пространство. Мы выходим на широкую каменистую равнину, где горизонт тонет в дымке. Здесь ветер берёт своё: треплет одежду, лезет в глаза, сушит губы. Трава жёсткая, колючая, камни под ногами хрустят и подворачиваются — проверяют, насколько я вообще держусь на ногах.

Вдалеке, за линией низких скал, подаёт голос что-то большое: низкий звук, который не похож на ветер. Я чувствую его не ушами — кожей на руках.

Катя останавливается. Тупо просто перестаёт двигаться, как выключили. Я сам почти делаю шаг лишний и успеваю затормозить в последний момент.

Это уже моя маленькая победа: не врезаться в неё.

Она поворачивается ко мне. Поза вроде спокойная: плечи опущены, руки свободны. Но я уже начинаю читать её тело. Икры напряжены, колени пружинят, пальцы готовы к движению. У неё спокойствие хищника — экономное, без лишних жестов.

— Сейчас будешь учиться уворачиваться, — говорит она.

— От чего? — спрашиваю я и одновременно озираюсь. Ничего. Камни. Трава. Пусто.

— От всего.

Она отступает на шаг и поднимает руку. Камень вылетает почти без замаха. Я даже не вижу, откуда он взялся. Просто был — и уже летит.

Я успеваю моргнуть — и этого хватает, чтобы всё пошло не так. Тело тормозит, ступни цепляют крошку, я дёргаюсь в сторону и падаю на колено. Камень свистит рядом с плечом, ударяется о валун за спиной и разлетается осколками.

— Медленно. Ты думаешь быстрее, чем двигаешься. В бою это конец.

Раздражение поднимается горячей волной.

— Ты могла предупредить!

— В бою никто не предупреждает. — она не повышает тон. От этого ещё злее. — Ещё раз.

Второй камень летит ниже. Я успеваю только напрячься — и зачем-то тянусь руками, как будто можно поймать. Глупость. Я дёргаю плечом, пытаюсь уйти корпусом. Камень цепляет меня по рукаву и щёлкает по коже.

Боль резкая, короткая. Я втягиваю воздух сквозь зубы.

— Лучше, — говорит Катя. — Всё равно плохо.

Я поднимаюсь. Пот щиплет глаза. Ладони влажные, пальцы дрожат. Я сжимаю кулаки, ногти впиваются в кожу, и это возвращает меня в тело.

— Ещё раз, — говорю я.

Она кивает — без жестов “молодец”. Просто кивает: приняла.

Камни летят один за другим. Сначала она бросает с паузой — проверяет, как я реагирую. Потом делает паузы короче. Потом начинает менять угол: то справа, то слева, то почти по прямой. Несколько камней она запускает “вдогон” — пока я

ещё выпрямляюсь после предыдущего.

Самое мерзкое — когда я уже решил, что успел. И тут рядом проходит следующий.

Я учусь.

Не глазами — телом.

Я начинаю ловить мелочи: как у неё смещается плечо перед броском; как пальцы раскрываются; как ветер подхватывает камень и чуть уводит траекторию. Я не успеваю назвать это словами, зато тело уже делает шаг, наклон, уход в сторону.

На каком-то броске я вообще не думаю. Камень проходит у виска, и я успеваю только почувствовать воздух рядом — холодный, чужой. Я отшатываюсь, и в следующий момент понимаю: я сделал правильно.

К двадцатому броску прямых попаданий почти нет. Пару раз камень цепляет рукав, один раз проскальзывает рядом с ухом так близко, что у меня звенит внутри.

Катя наблюдает молча. Я не вижу “улыбки”, но вижу, что она перестаёт морщиться каждый раз, когда я двигаюсь.

Ветер всё так же бьёт в лицо. Трава шуршит. Далеко снова подаёт голос кто-то крупный.

Но сейчас я знаю: я учусь выживать.

В интерфейсе вспыхивают уведомления.

Вы освоили „Наблюдение“ (уровень 1)

Вы улучшили „Уклонение“ (уровень 2)

Я замираю, всматриваясь в строки. Буквы светятся мягким голубым, и в груди появляется ровное чувство — как после контрольной, которую неожиданно написал лучше, чем думал. Это мало по меркам "Альтхейма". Для меня — прорыв

Каждый уровень здесь — не “цифра”. Это синяк. Это содранная кожа. Это шаг, который я сделал вовремя.

Я провожу пальцем по строкам, и кожа на подушечке чувствует только воздух — интерфейс не трогается. Но жест всё равно нужен: так мозг фиксирует реальность.

Катя тоже видит уведомления. Её интерфейс вспыхивает рядом. Большинство индикаторов в жёлтой зоне, а пара держится на красной границе.

Я не сразу понимаю, что это значит, а потом доходит: красный — это не “мало опыта”. Это “ресурс кончается”. Выносливость, восстановление, что-то, что нельзя взять силой. Если она перегрузится, она не станет слабее. Она просто начнёт ошибаться.

Она смотрит на показатели коротко и убирает взгляд. Знает: паника не прибавит процентов.

— Это всё? — спрашиваю я. Голос выходит громче, чем надо. Внутри смешались нетерпение и надежда. — Или есть ещё?

Катя поворачивается ко мне. Взгляд у неё привычно ров-

ный, но в нём появляется оценка. Проверка.

— Есть, — отвечает она. — Но сначала докажи, что не сломаешься на первом ударе.

Я киваю.

— Готов.

Она улыбается. Мельком, краем губ — и тут же прячет это обратно.

— Тогда идём. Времени мало.

Мы снова шагаем вперёд — сквозь туман, липнувший к коже, сквозь ветер, который пытается стащить с тебя тепло.

Боль тоже бывает разной. Вчера она была “сейчас упаду”. Сегодня, знак того, что живой.

Я знаю: даже если Катя считает меня проблемой, она всё равно учит меня.

И это либо вера, либо расчёт. Мне всё равно.

Главное — я учусь.

А это уже победа.

Глава 9. Источник белка

Влад

Мы идём уже несколько часов. Ноги гудят, стопы ноют на каждом камне, а поясница напоминает о себе тупой тяжестью — как после переезда, когда таскаешь коробки и делаешь вид, что “ничего”. Туман рассеивается, уступая место бледному солнцу. Оно пробивается сквозь облака с трудом; света хватает, чтобы видеть, но не хватает, чтобы согреться.

Воздух становится суше, теряет утреннюю сырость. Теперь он пахнет пылью, поднятой нашими шагами, и резкой травой — горькой, терпкой, как если бы кто-то растёр в пальцах полынь. Я вдыхаю и чувствую, как першит в горле. Пить хочется чаще, чем я готов признать.

Катя движется впереди. Тихо, ровно. Её шаги не “бесшумные” в киношном смысле — они просто экономные: она ставит ногу туда, где не поедет щебёнка, не треснет сухая ветка, не зазвенит каменная крошка. И я, сам того не замечая, начинаю копировать: сначала носок, потом пятка, вес — не всей тушей сразу. Это выглядит смешно, когда я пытаюсь. Но я чувствую разницу: звук действительно становится тише.

Я правда стараюсь. Идти аккуратно, не спотыкаться о камни и корни, не дышать так громко, как будто мне платят за вдохи. Но тело сопротивляется. Оно помнит другое: карты

на стенах кабинета, парты, запах бумаги и маркера, шум перемены. Оно рассчитано на “устал к пятому уроку”, а не на “если ошибёшься с шагом — тебя найдут”.

— Если будешь так шуметь, — говорит Катя, не оборачиваясь, — нас найдут раньше, чем мы найдём еду.

Я сжимаю зубы. Челюсть сводит — не от злости, а от того, что хочется ответить, оправдаться. И я давлю это в себе. И да, я слышу себя. Слышнее, чем хотелось бы: вдох — сиплый, выдох — слишком длинный.

Каждый мой шаг звучит громче, чем её. Я ловлю собственные ошибки по факту: вот щёбёнка поехала; вот камень ударил о камень; вот ремень сумки стукнул по бедру. И я начинаю чинить это прямо на ходу — подтягиваю ремень, поджимаю сумку ближе к телу. Мелочь, а тише.

В голове всё равно крутится прежняя жизнь — та, где самой большой проблемой было опоздание ученика или спор о датах. Я вспоминаю, как ругался из-за того, что кто-то жевал на уроке. Сейчас бы я отдал многое, чтобы единственным риском была жвачка под партой.

Я цепляюсь за привычку мыслить историей. Сравниваю. Ищу аналогии — как будто можно найти в учебнике пункт “что делать при переносе в чужой мир”.

Ганнибал. Альпы. Переход, где каждый шаг решал, сколько людей останется к утру. Я всегда рассказывал это так, что звучало героически. Сейчас понимаю: там было много тупой, тяжёлой, грязной работы. Холод, страх, усталость, и

необходимость идти дальше, потому что назад нельзя. Это и есть общая логика — не геройство, а инерция выживания.

Катя оглядывается раз в несколько минут — проверяет пространство. Я замечаю: она не смотрит долго на даль. Она читает ближнее. Трещины, тени, выступы. Она бережёт силы глаз, как бережёт воду.

Я пытаюсь делать так же и ловлю себя на том, что взгляд всё равно скачет — ищет “опасность”. Слово “опасность” слишком общее. Я пока не знаю, что именно искать.

К полудню солнце становится ощутимее. Камни нагреваются и отдают тепло в подошвы — не приятно, просто факт: земля больше не ледяная. Воздух дрожит над плитами, и мне кажется, что вдалеке всё плывёт. Пить хочется уже не “чуть”, а постоянно.

Мы продвигаемся вперёд, обходя острые выступы и осыпи, пока впереди не появляются заросли низких кустов. Они пригнуты к земле под собственным весом.

Листья мясистые, тёмно-зелёные, с восковым блеском — как у комнатных растений, которые поливают слишком редко, и они от этого становятся жёсткими. Среди листвы прячутся мелкие плоды: тускло-красные, припылённые местной пылью. Они висят гроздьями, но выглядят разными: часть яркая и упругая, часть — с тёмными пятнами, у некоторых

бок подозрительно мягкий.

Катя останавливается и поднимает руку. Я торможу раньше, чем успеваю “подумать”, и это снова маленькая победа: тело начинает слушать сигнал.

Она присаживается на корточки, не лезет в куст сразу. Сначала — взгляд. Потом — почва у корней. Потом — нижняя сторона листьев.

Я бы полез за плодом сразу. Она проверяет, нет ли “цены” у еды: насекомые, плесень, слизь, что угодно.

Только потом Катя срывает один плод. Сжимает, проверяя упругость. Раздавливает каплю мякоти между пальцами, подносит к носу, вдыхает. Ждёт секунду. Ещё секунду.

Я жду, что она лизнёт, как в фильмах. Она не дура.

— Съедобно, — подводит вердикт она. — Но не всё. Смотри: вот эти, с тёмными пятнами — яд. Вот эти, мягкие — гниль. Бери только твёрдые, ярко-красные.

Она бросает мне плод. Я ловлю его рефлекторно — уже не раздумывая, как будто рука сама знает, что команда от неё — это действие, а не обсуждение.

Плод тяжелее, чем кажется, прохладный, с лёгкой ворсистой кожицей. Она колетса при нажатии, как недозрелый персик, только без сладкого обещания. В ладони он лежит плотным грузиком.

— А если ошибиться? — спрашиваю я. Голос выходит глуше, чем хотелось бы. Горло сухое, и от сухости слова тоже сухие.

— Умрёшь, — отвечает Катя спокойно. — Или будешь корчиться, пока не кончится вода. Противоядия тут не носит никто.

Я смотрю на кусты и вдруг вижу детали, которые раньше были “просто”. Пятна — не случайность, а рисунок, край темнее, середина как вдавленная. Мягкость — не “спелость”, а расползание ткани. На паре плодов кожура в мелких дырках, как от иглы. Мне становится неприятно от мысли, что я мог бы сорвать и съесть любой.

Начинаю собирать. Осторожно. Методично.

Протягиваю руку, беру плод, проверяю упругость, осматриваю со всех сторон. Поворачиваю так, чтобы свет падал на бок — пятна виднее. Делаю это медленно, хотя внутри всё торопит: “еда, наконец еда”. И в этом тоже тренировка: не торопиться, когда очень хочется.

Два раза я почти беру “не тот” — и останавливаюсь в последний момент. Один плод яркий, но возле хвостика тёмный ободок. Второй твёрдый, но на боку тонкая трещина, и внутри темнеет. Я отбрасываю оба, и желудок на секунду злится на меня, как на предателя.

Катя наблюдает краем глаза. Не комментирует каждый шаг — и это тоже метод. Комментарии делают зависимым. Она делает так, чтобы я сам начал видеть.

Когда сумка наполняется примерно наполовину, Катя кивает.

— Нормально. Но это не всё.

Она ведёт меня ниже по склону, к оврагу. Там тени гуще, воздух влажнее, пахнет сырой каменной крошкой и чем-то грибным, терпким. В расщелинах между валунами прячутся низкие грибы. Шляпки перламутровые, с радужным отливом, как внутренняя сторона раковины, только грязнее. Они растут группами, прижимаются к прохладной поверхности, словно им страшно выходить на свет.

— Эти — источник белка, — говорит Катя и не трогает их руками. Просто показывает. — Растут в тени, рядом с влагой. Увидишь — собирай. Сырыми не ешь. Никогда.

— Почему? — спрашиваю я, хотя вопрос глупый. “Потому что умрёшь” — самый вероятный ответ.

Катя смотрит на грибы ещё секунду.

— Потому что сырые бьют по желудку. И по голове. Галлюцинации, судороги. Станешь шумным и медленным. — она бросает на меня взгляд. — Тебе хватит этого и без грибов.

Я киваю и опускаюсь на корточки. Грибы пахнут иначе, чем “земные”: не лесом и не сыростью. Запах резче, с металлической ноткой. Я дышу осторожно, через нос.

У меня в голове всплывает слово “белок”, и оно звучит странно — как из курса биологии. А на деле это просто “не умереть от истощения”.

— Как собирать? — спрашиваю я. — Ножом? Руками?

— Выкручивай, — отвечает Катя. — Аккуратно. Не рви. Если оставишь ножку — здесь снова вырастет.

И опять — “камень карта”, “грибы — система”. Она думает не “на сейчас”, а “на потом”.

Я беру первый гриб. Он холодный и чуть скользкий, шляпка плотная. Я выкручиваю медленно, чувствуя, как ножка поддаётся. На пальцах остаётся влажный след. Я нюхаю ладонь и морщусь: запах цепляется, въедается.

— Огонь можно добыть? — спрашиваю я. — У нас есть чем?

Катя оглядывается на стенки оврага. У неё взгляд всегда про безопасность, а уже потом про удобство.

— Можно. Но не здесь. Открыто. Запах готовки тянет далеко. — она добавляет после паузы: — И дым тоже.

Мы собираем ещё несколько грибов. Я складываю их отдельно, стараюсь не раздавить. Мысль о том, что это “наш белок”, звучит почти смешно. Как будто я в походе. Только это не поход.

Мы идём дальше и через полчаса находим углубление в скале — ниша, где можно спрятаться от ветра и не светиться снаружи. Внутри пахнет сухим камнем. Пол неровный, но тут хотя бы не сдувает тепло с кожи.

Катя первым делом проверяет углы и потолок. Проводит взглядом по трещинам, по тёмным пятнам, прислушивается. Её рука касается стены — быстро, как отметка.

— Здесь можно остановиться, — решает она. — Но недолго.

Я опускаю сумку и понимаю, что руки дрожат от усталости и от того, что я несколько часов держал себя в узде. Хочется сесть и не вставать.

Катя кидает мне один из красных плодов.

— Ешь. Понемногу. Не давайся.

Я ловлю и, не откладывая, надкусываю. Мякоть кислая, терпкая, сводит скулы. Сок не сладкий — больше похож на недозрелую ягоду, только плотнее. Но язык сразу оживает: организм рад любому сахару.

— Станный вкус, — говорю я и сам слышу, как по-детски это звучит.

— Привыкнешь. Либо не успеешь.

Я жую медленно. Смотрю на сумку с грибами и ловлю себя на мысли, что вчера я бы не поверил: я собираю еду, сортирую яд, думаю об огне, о запахе дыма. Я бы сказал ученикам: “выживание в древности зависело от ресурсов”. Сейчас это не тема урока. Это моя жизнь.

И самое неприятное — я начинаю понимать Катю. Не оправдывать. Понимать.

Глава 10. Обеденный перерыв

Влад

Пока Катя обустривает место для костра, я раскладываю собранные плоды и грибы на плоском камне. Пальцы слегка дрожат, скорее не от холода даже, а от остаточного напряжения. Я повторяю её правила по памяти и проверяю каждый плод ещё раз: пятно у хвостика, трещина на коже, мягкий бок, который маскируется “спелостью”.

Сортировка выходит дольше, чем мне хочется. Голод подгоняет, но я давя его, как давил в школе желание сорваться на крик: сначала порядок, потом уже эмоции. На камне быстро возникает две кучки — “можно” и “сомнительно”. Сомнительное я отодвигаю подальше, чтобы рука не схватила по привычке.

В воздухе пахнет сухой корой и каменной пылью. Когда наклоняюсь ниже, нос цепляет ещё один запах — сырой, глупой: это грибы, даже без огня. Он липнет к нёбу и сразу делает слюну густой.

На секунду вспоминаю кабинет: книжная пыль, мел, чужие духи в коридоре. Там я мог говорить часами — про войны, реформы, заговоры — и максимум рисковал тем, что один мальчишка снова забудет тетрадь. Здесь мой “урок” — отличить еду от яда и сделать это молча.

Катя достаёт огниво — небольшой, увесистый инструмент, который выглядит старым и надёжным. Она выбирает ветки одну за другой: ломает, слушает треск. Если звук сухой и хрупкий — оставляет. Если древесина гнётся и “тянется” — бросает в сторону. Я замечаю, что она берёт не самые толстые и не самые тонкие. Средние. Те, что схватятся и дадут жар, а не только дым.

Я слежу за её руками так внимательно, что у меня начинает болеть затылок. Она укладывает трут — сухой мох и крошку коры — так, чтобы воздух проходил свободно. Движения у неё быстрые, но без суеты, сразу видно, что она делала это сотни раз и каждый раз понимала цену ошибки.

Кремень ложится в ладонь уверенно. Скрежет металла о камень режет слух. Искры вспыхивают короткими точками и гаснут, пока одна не цепляется за мох.

Огонёк появляется тонкой рыжей точкой. Он слабый, упрямый, живой. Катя прикрывает его ладонями и подаёт воздух коротко, порциями. Пламя поднимается, и тепло касается лица — сначала едва, потом увереннее. Плечи начинают опускаться, и я понимаю, что держал их поднятыми, как щит, весь день.

Она даже не смотрит на меня, но я всё равно ловлю эту странную мысль: если бы она была учителем, у неё бы дети сидели тихо. Не из страха. Из понимания, что лучше слушать.

— Теперь грибы, — говорит Катя и достаёт нож. Лезвие

зазубренное, рабочее, без украшений.

Она берёт один гриб, осматривает со всех сторон. Поворачивает к свету. Чуть нажимает на шляпку, проверяя плотность. В этом есть что-то личное, почти неприятное: как проверяют товар на рынке. Как оценивают, стоит ли доверять.

Я не отрываю взгляда. Катя поддевает тонкую кожицу со шляпки кончиком ножа и снимает её одним движением. Отделяет ножку. Срез делает чистый, без рваных краёв. Потом быстро проводит лезвием по внутренней стороне, смотрит на цвет.

— Запоминай, — бросает она. — Если внутри темнеет или пахнет кисло — выбрасывай.

Я киваю. Слова застревают в горле: от тепла стало легче, но голод от этого только яснее. Он давит изнутри, сжимает, превращает мысли в короткие команды.

Катя режет грибы тонко, почти прозрачно. Ломтики ложатся на камень, влажные и холодные, и подсыхают прямо на воздухе. Я ловлю себя на том, что снова думаю, как на уроке: “процесс, последовательность, техника”. Только в школе техника нужна, чтобы сдать экзамен. Здесь — чтобы не умереть.

Когда огонь разгорается, наполняя углубление тёплым треском, Катя выбирает несколько плоских камней. Осматривает каждый: стучит костяшками, прислушивается. Один откладывает — на нём тонкая трещина. Я вспоминаю: нагретый камень с трещиной может лопнуть. Тут даже “посуда”

способна стать ловушкой.

— Импровизированная печь, — говорит она, выкладывая камни полукругом. — Жар ровнее. И дыма меньше.

Я помогаю. Камни тяжёлые, шероховатые, обдирают кожу на пальцах. Когда мы придвигаем их ближе к огню, от них идёт сухое тепло — пахнет нагретой породой, как от асфальта летом.

Ломтики грибов ложатся на горячую поверхность и шипят. Поднимается тонкий пар. Запах меняется быстро: сырость и земля уходят, появляется плотная тёплая нота — жареный орех, хлебная корка. Дымок едва ощутим, но он есть; он цепляется за нёбо и сразу делает рот сухим.

Катя переворачивает ломтики тонкими палочками. Палочки она подготовила заранее: обломала сухую ветку по дороге, заострила кончик ножом. Даже для палочек у неё есть “правильно”.

Я сглатываю слюну и понимаю, что тело перестало притворяться. Голод, накопившийся с прошлого вечера, сидит внутри жёстким комом и давит так, что становится трудно держать лицо. Я гнал от себя мысли о еде всю дорогу, но организм всё равно вёл счёт времени. Сейчас, когда пошёл запах, этот счёт становится громким.

Катя смотрит на меня одним коротким взглядом. Скорее с проверкой: справишься, не сорвёшься, не полезешь сырым. И мне вдруг хочется не опозориться перед ней. Глупое чувство. Я бы посмеялся над собой в другой жизни. Здесь смех

застревает.

— Почти готово, — говорит Катя. — Только не торопись. Спешка здесь заканчивается одинаково.

Я улыбаюсь — сухо, но искренне:

— Прямо как у Цезаря с его “пришёл, увидел, победил”. Только если бы он так же шёл на грибы... Рим мог не дожидаться “победил”.

Катя поднимает бровь. В глазах мелькает быстрая, как вспышка улыбка. От неё мне становится странно спокойно, и я тут же злюсь на себя за эту реакцию.

— Лучше вспоминай осторожность Ганнибала, — говорит она. — Он хотя бы понимал, что скорость не спасает от холода и голода.

Она делит грибы на две части быстро и ровно. Привычка считать ресурс видна в каждом движении. Протягивает мне мою порцию. Я принимаю её и чувствую, как пересохло во рту от предвкушения.

— Спасибо.

Катя на секунду задерживает на мне взгляд, и я ловлю себя на том, что выпрямляюсь. Как ученик перед учителем. Как человек перед тем, от кого зависит, будет ли у тебя завтра.

— Ешь, — отвечает она. — И следи за собой. Если начнёт мутить — сразу говори.

Мы едим молча. Я жую медленно, чтобы не обжечься и не проглотить слишком быстро. Вкус у грибов странный: зем-

листый, с дымной ноткой, слегка терпкий, а под конец появляется мягкая сладость. Не мясо и не хлеб, но это еда. Настоящая.

После нескольких ломтиков внутри становится спокойнее. Исчезает постоянный звон, который я не замечал, пока он не ушёл. Я дышу ровнее и впервые за день понимаю, что могу просто сидеть и не ждать удара каждую секунду.

Катя ест так же спокойно, как делает всё остальное. Маленькими кусками, без жадности. Я замечаю, что она держит спину так, чтобы видеть вход. И даже когда жуёт, у неё рука лежит близко к ножу. Привычка, выросшая в тело.

Мне почему-то хочется спросить её о чём-то простом. О том, что не про смерть и не про навыки. Спросить, чем она любила заниматься до всего этого. Есть ли у неё... любимая музыка? Любимая еда? Смешно. Я сам не знаю, зачем мне это знание. Оно ничего не даст в бою и не спасёт от яда.

Я открываю рот — и закрываю. Слишком рано. Я ещё не понял правил: что здесь считается слабостью, а что — доверием.

Катя тушит угли тщательно: раздвигает жар, присыпает пылью, ждёт, пока перестанет светиться. Не оставляет следов “здесь были люди”. Потом проверяет камни, убирает ломтики, которые подгорели, и кидает их в отдельный мешочек.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Приманка, — отвечает она. — Если придётся увести тварь с тропы или отвлечь людей. Запах работает лучше

слов.

Я киваю, и мне становится неприятно от того, как быстро она мыслит. Даже в отдыхе она строит “потом”. В этом есть что-то страшное... и что-то притягательное. Я не хочу это слово, но оно лезет само: надёжность.

— Теперь можно отдохнуть пару часов, — говорит Катя. — Но без расслабления. В "Альтхейме" сон — тоже риск.

Я устраиваюсь у стены и прислушиваюсь. И впервые замечаю то, что раньше проходило мимо: далёкий вой, сухой шорох, где-то — камень, который покатился не от ветра. Мир снаружи работает всегда, даже когда ты сидишь и стараешься стать тихим.

У нас есть шанс. Маленький. И он зависит не от удачи, а от привычек — от того, как ставишь ногу, как режешь гриб, как тушишь угли.

Катя садится чуть в стороне, не совсем рядом, но так, чтобы я оставался в её поле зрения. Она снимает перчатку на пару секунд и разминает пальцы — быстро, почти сердито. На костяшках видно старые следы, тонкие шрамы. Я не должен на это смотреть, но взгляд цепляется. Не из любопытства, а из какого-то тихого уважения к чужой боли, которая не делает из себя спектакль.

Она замечает мой взгляд.

— Что? — спрашивает коротко.

Я запинаюсь и на секунду чувствую себя подростком, пойманным на глупости.

— Ничего, — говорю. — Я просто... учусь.

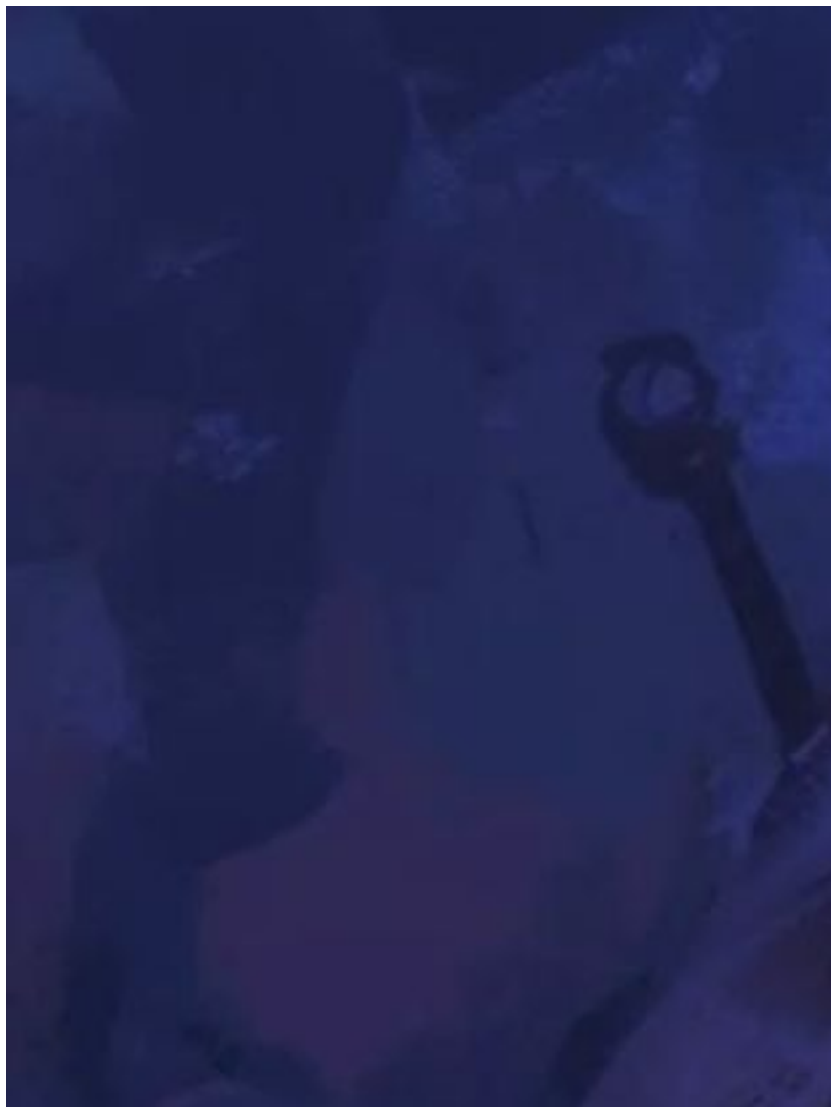
Катя молчит. Потом кивает, очень сдержанно, и отворачивается к входу.

И я вдруг понимаю, что мне важно, чтобы она снова так кивнула завтра. И послезавтра. Чтобы я не стал для неё очередной ошибкой.

Если я выживу... я правда могу написать учебник по выживанию в "Альтхейме". С историческими параллелями, конечно.

Только он будет уже не для учеников. Для меня.

И, возможно, для неё. Хотя это я пока оставляю при себе.

Глава 11. Совместный щит

Влад

На обратном пути, когда мы уже почти достигли знакомой тропы, происходит нечто странное. Воздух становится тяжелее и вязче. Каждый вдох даётся с трудом, как через тёплую мокрую ткань.

Я делаю вдох — и слышу его. Слишком громко.

Тишина... Она становится ненормальной. Такой тихой она быть не может — это тишина перед бурей. Стихают листья. Пропадает ветер. Даже наши шаги звучат лишними.

Я чувствую, как кожа на спине стягивается. Катя тоже останавливается, её тело напрягается, в стойку. Она медленно оборачивается, сканируя пространство вокруг острым, внимательным взглядом. Ловлю этот момент и тоже “становлюсь тише”: поджимаю сумку ближе к телу, чтобы ремень не стукнул о камень.

Даже ветер, который только что шелестел, теперь затаил дыхание. Что-то не так. Что-то совсем не так. И это “что-то” приближается, медленно, неотвратно.

Разум пустеет, тело выполняет приказ само: не двигаться. В этой тишине любой звук кажется криком.

Я успеваю заметить лишь размытое движение, мелькнувшее между валунами.

Оно появляется настолько стремительно, что мой мозг не сразу обрабатывает увиденное. Это существо — плохая смесь гиены и древнего ящера. Его длинное, гибкое тело покрыто редкой бурой шерстью, сквозь которую проглядывает чешуйчатая кожа, отливающая металлическим блеском.

Массивные лапы оканчиваются огромными когтями, между пальцев натянуты странные перепонки, как у водоплавающей птицы. Пасть раскрывается в яростном рыке, обнажая ряд острых, загнутых назад зубов, которые блестят в тусклом свете, как полированная сталь.

Зубы сидят так, чтобы рвать и не отпускать. Это видно сразу, даже мне.

Глаза существа — два жёлтых огненных шара с узкими вертикальными зрачками — держат нас на прицеле голодом. В них нет ни капли разума, только расчёт хищника.

Его утробный рык вибрирует в груди, наполняя воздух угрожающими звуками. Существо скалится, демонстрируя клыки, пригибается к земле, пружиня мускулистыми лапами.

Меня сковывает, руки тяжелеют. Это машина для убийства, созданная чтобы охотиться и уничтожать. И сейчас эта машина нацелилась на нас.

И всё равно я первым делом смотрю на Катю, а не на него. Она реагирует так, как реагируют те, кто уже платил за промедление.

Её рука проваливается к поясу. Нож появляется в ладони

с такой плавностью и уверенностью, будто он был там всегда, и является продолжением её руки. Она делает стремительный шаг вперёд, закрывая меня собой. Её прямая, напряжённая спина становится непреодолимой стеной между мной и смертельной угрозой.

В горле встаёт странная, почти злая мысль: “не смей”. Не к твари — к миру.

Но я уже в движении, движимый простой ясностью: если она погибнет, я останусь один.

Я не могу убежать. Не смогу выжить в одиночку. Потому что без неё я — никто. Просто ещё одна жертва этого жестокого мира.

И ещё потому, что если я сейчас побегу — я буду помнить это до конца своей короткой жизни.

Мои пальцы судорожно сжимают первый попавшийся камень. Он тяжёлый, с неровными, зазубренными краями, совершенно неудобный для броска. Замах. Резкий выброс руки — всё происходит в доли секунды.

Камень летит криво, неуклюже и бьёт о валун всего в шаге от чудовища. Но этого достаточно. Внимание твари на мгновение переключается, её голова резко дёргается в сторону звука. Я не попал — но я “влез” в бой. И это уже не ноль.

Катя использует момент.

Она не бросается вперёд “красиво”. Она входит в дистанцию быстро и точно, корпус разворачивается, плечо уходит вниз. Нож идёт вверх, под челюсть — туда, где меньше за-

щиты. Одно движение, короткое, без лишнего размаха.

Удар.

Тварь захлёбывается звуком, который не похож на рык. Когти скребут камень, лапы пытаются толкнуть тело вперёд, но уже поздно. Из пасти вырывается влажный хрип. Она дёргается ещё раз — и оседает, тяжело, всем весом. Пыль поднимается облачком и тут же падает обратно.

Я стою и смотрю, как кровь стекает по ножу. У меня в ушах стучит пульс. Ладони мокрые. Камень, который я бросил, кажется игрушечным и бесполезным — и всё равно именно он дал Кате секунду.

Катя не расслабляется сразу. Она ждёт — полшага назад, нож наготове, взгляд на туше. Только когда тело перестаёт дёргаться, она поворачивается ко мне.

— Ты... — она произносит это так, как будто в слове есть вопрос. — Ты не убежал.

Я смотрю на неё и сам не понимаю, откуда берутся слова. Они выходят сами, без раздумий, без страха:

— Не мог. Если бы ты погибла, я бы не выжил.

Я слышу, как это звучит — слишком прямо. Но я не беру назад.

Тишина. Только ветер, наконец, возвращается.

Она молчит. Её взгляд скользит по моему лицу, как проверка. Потом кивает.

Я замечаю на её щеке тонкую полоску — кровь или грязь, не знаю. Рука сама делает движение вперёд, и я успеваю оста-

новить себя в последний момент. Не уверен, что имею право.

Катя замечает это тоже. Её взгляд скользит по моей руке, потом обратно на лицо. И в её глазах на секунду появляется что-то совсем человеческое: удивление без насмешки.

От этого внутри теплеет сильнее, чем от костра. И я злюсь на себя за это.

Я не знаю, как это назвать.

Может, доверие.

А может, просто понимание: мы теперь — не двое одинок. И я впервые ловлю себя на желании держаться ближе к ней не из страха, а из... необходимости быть рядом.

Интерфейс вспыхивает резко, как вспышка света в темноте.

Вы улучшили „Наблюдение“ (уровень 2)

Я моргаю. И понимаю, что вижу больше: пыль на камнях лежит слоями, и на одном слое — свежий след, смазанный. Там, где тварь стояла до рывка. Я бы не заметил этого вчера. Сегодня замечаю.

Следом появляется второе:

Вы освоили „Сбор пищи“ (уровень 1)

И третье заставляет меня замереть:

Активирован навык: „Совместный щит“ (уровень 1)

Уведомление светится не голубым, а тёплым янтарным. И

вместе с ним приходит ощущение .Телесное. Как будто вокруг грудной клетки появляется тонкий слой плотного воздуха. Не тепло. Скорее... собранность. Стабильность. Я даже дышать начинаю ровнее.

Я смотрю на Катю.

Она тоже видит уведомление. Брови поднимаются едва заметно — так, что я понимаю: для неё это тоже редкость.

— Что это? — спрашиваю я.

Катя не отвечает сразу. Она смотрит на тушу, на камни вокруг, на меня. Словно проверяет: не появится ли второй такой же.

— “Совместный щит”, — говорит наконец. — Это из святочных навыков. Появляется, когда двое действуют синхронно и не бросают друг друга в опасности.

— Это защита? — я слышу в своём голосе надежду и злость на неё. Надежда здесь — всегда риск.

Катя кивает.

— Защита. Практическая. Система считает нас одной связкой на короткой дистанции. — она говорит сухо, но я вижу, что ей интересно. — В бою это даёт больше, чем кажется.

Интерфейс дополняется строками — коротко, почти безжалостно:

Эффекты (ур.1):

Снижение урона при прикрытии союзника

Короткий импульс устойчивости к страху рядом

Усиление реакции при последовательных действиях в паре

Условие: дистанция / видимость / согласованность

Я читаю и понимаю, как это сработало только что. Не в цифрах — в секунде. В том, что я не побежал, а бросил камень. В том, что она шагнула так, чтобы закрыть меня, а не уйти в сторону.

— Получается... мы сильнее? — спрашиваю я тише.

— Сильнее, — отвечает Катя. — И заметнее. Связки чувствуют. Их ловят. Их ломают.

Последняя фраза падает тяжело, без угрозы, без пафоса. Просто факт, жёсткий и прямой.

Я киваю. И впервые эта “жёсткость” не отталкивает. Она держит в реальности.

Катя убирает нож, вытирает лезвие о тряпку. Движение осторожное, почти бережное. Она поднимает глаза.

— Ты дал мне секунду, — говорит она. — Этого хватило. У меня в горле снова сухо.

— Я... — начинаю я и замолкаю. Любые слова звучат слишком большими для одной секунды.

Катя коротко кивает, как будто принимает то, что я не договорил.

— Идём, Влад. До темноты далеко, но лучше не проверять, сколько в округе таких.

Она разворачивается первой.

Я делаю шаг следом и ловлю себя на простой мысли: мне важно идти рядом. Важно держать дистанцию так, чтобы

этот “щит” работал — по правилам мира и по правилам чего-то ещё, что я пока не умею назвать.

И я понимаю ещё одно: если “Совместный щит” — это то, что система даёт за связку, то выходит связка — реальность. Не метафора. Не красивое слово.

Реальность, за которую придётся платить.

Глава 12. Зона поражения: весь сектор "Сумеречный лес"

Катя

Мы мчимся сквозь Сумеречный лес. Древние деревья-исполины возвышаются над нами, их корявые стволы покрыты толстыми мшистыми наростами, а узловатые ветви тянутся к нам, как крючья: зацепить, остановить.

Каждый мой шаг отдаётся в висках, лёгкие горят огнём, но я не сбавляю темп. Адреналин бурлит в венах, превращая страх в чистую решимость. Пот заливает глаза, но я стискиваю зубы и бегу дальше. Между корнями, по твёрдому, по камню, где меньше гнили. Одна ошибка — и ты теряешь секунды.

За спиной слышу тяжёлое, хриплое дыхание Влада. Он спотыкается о выступающие корни, но держится — сжимает кулаки до белых костяшек, напрягает плечи, заставляет себя двигаться вперёд. Слышу, как он старается не задыхаться "громко". Он учится на ходу. Поздно, но учится.

Я тащу его за руку, считая шаги, мысленно перебирая проклятия и молитвы. Только не сейчас. Только не здесь. Мы почти у цели. Нельзя останавливаться. Нельзя сдаваться.

— Катя... я выдыхаюсь... — его голос прерывается, пере-

ходит в хрип. Он резко приваливается к стволу дерева, его грудь ходит ходуном, на лбу выступает бисер пота.

— Держись! Ещё немного! — отрезаю я, быстро оглядываясь по сторонам.

У меня тоже всё горит — бёдра, икры, ребра под ремнями. Но я не имею права показать это. Я лидер. Пока я двигаюсь — двигается он.

Мой взгляд мечется по лесу, пытаюсь уловить малейшее движение среди серых стволов. Где-то впереди должен быть овраг, за ним — спасительные пещеры. Если успеем добратся...

Нельзя останавливаться. Остановка означает смерть. Отступать некуда.

— Давай, Влад! — кричу я, подтягивая его за руку. — Ещё чуть-чуть! Ты сможешь!

Я сама ненавижу, как это звучит — мотивационные слова из чужой жизни. Но в “Альтхейме” иногда работает только тупая, упрямая команда: вперёд.

Но тут интерфейс вспыхивает перед глазами, разрывая реальность на доли секунды:

Второе кровавое событие: "Ядовитый туман"

Начало через: 00:59:23

Зона поражения: весь сектор "Сумеречный лес"

*Рекомендация: найти герметичное укрытие или противо-
ядие*

Сердце падает.

Чёрт.

Мы слишком далеко от руин, где был последний бункер. До следующего — минимум двадцать минут бега. У нас нет зелий, нет противоядия. Только ноги и остатки сил.

Я сжимаю руку Влада крепче, чувствую, как дрожит его ладонь.

На миг по коже проходит тёплая плотность — как если бы воздух вокруг грудной клетки стал жестче. Совместный щит. Он не лечит усталость, но держит нас в одном ритме, пока мы рядом. Я не должна к этому привыкать. Но тело запоминает.

— Вперёд, — я рывком поднимаю его, не давая себе времени на сомнения. — Там, за оврагом, должны быть пещеры.

Он кивает, с трудом сглатывает комок в горле, но выпрямляется. Его лицо блестит от пота, но в глазах появляется решимость. Мы снова бросаемся вперёд.

В моей голове вихрь образов и мыслей: карты, которые я тщательно изучала перед входом в "Альтхейм", обрывки воспоминаний о старых квестах, где упоминались эти пещеры. Перед глазами всплывают детали: узкие проходы, древние механизмы, и главное — та самая дверь. Герметичная, массивная, способная защитить от любой угрозы снаружи. Если она цела... Если только она не повреждена другими исследателями...

Я мысленно отмечаю метки: три валуна — "поворот", сухой ствол — "спуск", каменная осыпь — "овраг близко".

Лес пытается сбить ориентацию одинаковыми стволами. Я не имею права дать ему это.

Влад не отстаёт. Его дыхание постепенно становится ровнее, хотя я вижу, как напряжены все мышцы его тела, как он стискивает зубы от усилия. В его глазах нет паники, только упрямая, почти звериная решимость выжить.

Это качество в нём вызывает у меня противоречивые чувства: его упрямство одновременно раздражает и цепляет. Он не умеет, он поздно, он “не про это” — но всё равно идёт. Не просит пощады у тела. И от этого внутри поднимается странное, неудобное уважение.

Его стойкость становится топливом для моего собственного упорства. Если он не сдаётся, то и я не имею права опустить руки.

Мы мчимся сквозь лес, ветви хлещут по лицу, корни пытаются поймать за ноги, но мы не обращаем внимания на эти мелкие препятствия. Я меняю хват: не тянуть его за кисть — он сорвётся, — а держать выше, за предплечье. Так меньше риск вывихнуть ему руку и меньше шанс, что он “отцепится”, если споткнётся.

Впереди уже виднеется тёмный провал оврага — наша единственная надежда на спасение.

Только бы успеть. Только бы добраться вовремя. Только бы дверь оказалась целой. Только бы...

Не думай. Считай. Дыши. Шаг.

Овраг открывается перед нами как-то резко. Его крутые склоны, покрытые скользким мхом и многолетней листвой, уводят вниз, в чернильную тьму. Воздух здесь кажется гуще, плотнее — он пропитан запахом разложения и сырости. Вонь гнили идёт прямо из земли. Она тут влажная и “живая” — как будто держит тебя за подошвы.

Мы начинаем спуск, и каждый шаг требует максимальной концентрации. Я иду первой, осторожно нащупывая опору среди мокрых камней и скользких корней. Мои пальцы дрожат от напряжения, когда я хватаюсь за выступы — камни предательски выскальзывают из-под подошв, а корни деревьев норовят запутать ноги.

Влад следует за мной, его горячее дыхание обжигает плечо.

— Осторожно, — шепчу я, когда он едва не теряет равновесие, хватаясь за выступающий корень. Его пальцы судорожно сжимают шершавую кору, и на мгновение я вижу в его глазах отражение первобытного страха.

Он кивает, не произнося ни слова, и его пальцы крепче смыкаются на коре. Мы продвигаемся медленно, дюйм за дюймом, но неумолимо — каждая секунда на счету.

Я заставляю себя не смотреть вверх, не представлять туман, который начнёт стекать сюда как вода. Когда он придёт

— овраг станет трубой, где нечем дышать.

Тьма вокруг сгущается, пытаюсь поглотить нас целиком, но мы продолжаем двигаться вперёд, ведомые единственной целью — добраться до спасительных пещер.

Я выбираю точки опоры заранее: правая нога — камень, левая — корень, ладонь — выступ. Если думаю “просто спуститься”, я сорвусь.

И вдруг... звук.

Смех.

Резкий, издевательский, он прокатывается по оврагу, и я замираю, вскидываю руку, останавливая Влада, который уже сделал шаг вперёд.

Тишина. Такая плотная, что её можно потрогать.

Потом шорох, хруст веток, будто кто-то специально ломает их, чтобы привлечь внимание. Я чувствую, как щит “стягивается” между нами — как натянутая нить. Вдвоём мы устойчивее. И вдвое выгоднее как добыча.

Из-за массивного валуна, покрытого лишайником, выходит фигура. Мужчина. Его доспехи — жуткая мозаика из костяных пластин, скреплённых кожаными ремнями. В тусклом свете они отливают мертвенным блеском, словно сделаны из человеческих костей. И я не уверена, что это “словно”.

Его глаза — два холодных осколка льда, в них нет ни капли тепла или человечности. Улыбка растянута слишком широко, неестественно, обнажая острые зубы, которые больше

напоминают клыки.

— Ну-ну, кто тут у нас? — его голос тягуч, как мёд, пропитан притворным любопытством, но в нём слышится явная угроза.

За его спиной, словно тени, возникают ещё четверо. Одинаково приземистые, с оружием в руках — кривые клинки, зазубренные топоры, метательные ножи. Они окружают нас полукругом, медленно, методично, отрезая все пути к отступлению.

Группа "Охотников". Это не обычные игроки. Их движения слишком ровные, слишком отработанные — специалисты, которые служат самой Игре, поддерживая её правила.

Их позы расслаблены, но в этой расслабленности чувствуется хищная готовность к прыжку. Они знают, что мы в ловушке, и наслаждаются нашим положением. Их доспехи тоже костяные, но каждый комплект уникален, словно собран из разных существ.

Мы оказались в капкане. И хуже всего — таймер не остановится, даже если они начнут играть с нами прямо здесь.

Глава 13. Охотники

Катя

Один из них, с крючковатым носом и пронзительными глазами, которые не моргают лишний раз, делает шаг вперёд. Его взгляд пронизывает насквозь, он наклоняет голову, разглядывая нас с хищной заинтересованностью. Мы для него — добыча, которую он уже мысленно разделал. Трофей. Работа.

— У них точно что-то есть, — шипит он, и язык, расщеплённый посередине, на мгновение скользит по губам, нарочито, как демонстрация. Такие модификации я видела у тех, кто слишком долго “служит” Нексусу: за бонусы платят телом. — Иначе зачем бы они сюда лезли? В эти пещеры идут с целью. Наверняка припрятали что-нибудь ценное.

Остальные "Охотники" переглядываются, их руки крепче сжимают оружие. Они оценивают нас быстро и скупно, с предвкушением лёгкой добычи

Влад напрягается рядом. Его пальцы едва заметно касаются моего локтя — это немой вопрос, полный тревоги и ожидания.

Мы оказались в ловушке. Но я знаю одно: отступить нельзя.

Не раздумывая ни секунды, я резко толкаю Влада за спи-

ну, сейчас не время для нежностей и сантиментов. Его удивление длится лишь мгновение, прежде чем он понимает серьёзность ситуации. Я не отпускаю его полностью: ладонь на его груди — короткий “стой”. Он должен понять, где граница.

Моя рука уже привычно смыкается на рукояти ножа. Холодный металл в ладони успокаивает, возвращает чувство контроля. Пальцы крепко обхватывают рукоять, готовые к любому развитию событий.

Интерфейс вспыхивает перед глазами яркими строками, словно пытаюсь ослепить меня в этот критический момент.

Скрытность: недостаточно для ухода от боя

Ближний бой: риск травмы: 60%

Выживание: 45/100, доступен навык "Ловушка"

Цифры пляшут перед глазами, мешаясь с реальностью, но я успеваю ухватить каждую деталь, проанализировать их значение. Шансы не в нашу пользу — шестьдесят процентов вероятности получить травму в ближнем бою, да ещё и с такими противниками. Но выбора нет. Мы в ловушке, и отступить некуда.

“Ловушка”... Здесь, на мокром склоне? Если рискну — могу уронить нас обоих. Если не рискну — нас уронят они.

Охотники медленно сжимают кольцо. Они видят нашу уязвимость, чувствуют страх и уверены, что этого достаточно.

Я крепче сжимаю нож, чувствуя, как адреналин разгоняется по венам. Сейчас всё зависит от реакции и того, смогу ли я выдернуть из их построения хотя бы одного — чтобы появилась щель.

В голове проносится мысль о навыке "Ловушка". Может ли он стать нашим шансом на спасение? Времени на раздумья нет — охотники уже готовы нанести первый удар.

— Давай, — шепчу Владу, не оборачиваясь, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее. — Когда я брошусь вперёд — беги к пещерам. Найди вход, закройся. У тебя есть шанс спастись.

— Я не оставляю тебя... — его ответ почти беззвучен, но в нём столько упорства, что мне хочется закричать от отчаяния.

— Это не просьба, — отрезаю я. — Это приказ. Выполняй!

И всё равно где-то внутри я понимаю: он не выполнит. И это не только раздражает. Это мешает дышать.

Нож в моей руке ловит редкий свет сквозь кроны деревьев. Его холодное железо кажется единственным надёжным в этом мире. Делаю глубокий вдох, наполняя лёгкие воздухом. Не уверена я ни черта, что готова. Но выбора нет.

Первый охотник бросается на меня без предупреждения,

без замаха, целясь мощным толчком плеча в солнечное сплетение. Я едва успеваю отклониться в сторону, когда его массивная фигура нависает надо мной. Его рука в перчатке с костяными накладками проносится в миллиметрах от моего лица, оставляя за собой ледяной след. Они двигаются не как бандиты. Как те, кто отрабатывал одно и то же сотни раз.

Не теряя ни секунды, я использую инерцию его броска, разворачиваясь. Мозг работает на пределе, сканируя тело противника в поисках уязвимых точек. Колено. Слабое место. И другого шанса не будет.

Мой кулак врежется точно в сустав с отвратительным хрустом. Охотник издаёт пронзительный крик, сгибается пополам, хватаясь за повреждённое колено.

Но нет времени праздновать. Периферийным зрением замечаю движение справа — второй охотник уже занёс свою дубину. Его мышцы напряжены до предела, вены на руках вздулись. Удар будет сокрушительным, если достигнет цели.

Я не жду. Приседаю так низко, что почти касаюсь земли, и ныряю под его размашистый удар. Дубина со свистом проносится над головой, рассекая воздух. В тот же миг я резко выпрямляюсь. Нож в моей руке находит цель как по карте тела, вонзаясь глубоко в бедро противника. Металл рассекает мышцы, уходит почти до рукояти.

Охотник издаёт звериный рык, отшатывается назад, пытается сохранить равновесие. Его дубина выпадает из пальцев,

с грохотом ударяясь о камни.

Я не смотрю, как он падает. Смотреть — терять темп.
+15 очков к "Ближнему бою"

"Критический удар" активирован! Урон +20%

Цифры вспыхивают перед глазами, но я не цепляюсь за них. Адреналин пульсирует в венах, обостряя всё до резкости. Мир становится рваным: рывок — пауза — рывок. Я вижу приближающихся остальных противников.

Нельзя останавливаться. Нельзя давать им шанс оправиться. Битва только начинается. Два выведены из строя — но их пятеро. И они всё ещё держат нас в полукольце. Это была не победа. Это была попытка сделать отверстие.

И тут — крик Влада, разрывающий тишину оврага. Он звучит так пронзительно, что внутри всё проваливается, как на сорванной ступени.

Третий охотник, до этого момента скрывавшийся в тени, резко выскакивает вперёд. Пальцы с острыми когтями впиваются в плечо Влада с нечеловеческой силой, дёргают его назад. Я оборачиваюсь, но это происходит слишком медленно, словно в кошмарном сне.

Вижу главное: он выбрал не меня. Он выбрал слабое звено — и сделал это без колебаний.

Охотник с силой швыряет Влада о каменный выступ. Удар получается глухим, резким, от него содрогается всё тело. Влад вскрикивает, отскакивает от камня, но каким-то чудом остаётся на ногах. Его лицо искажается от боли, на коже про-

ступает бледность, но он не падает, держится.

— Хватит! — мой голос дрожит, срывается на крик, и я бросаюсь к Владу, готовая защищать его, но охотники мгновенно смыкают кольцо вокруг нас. Их взгляды холодные, расчётливые, в них нет азарта. Только уверенность.

Их оружие направлено на нас, готовые в любой момент нанести смертельный удар. Они держат паузу, растягивают момент триумфа, словно хищники, играющие с загнанной добычей.

Это не “сализм” ради удовольствия. Это метод. Они проверяют, сколько у нас ещё ресурса. Сколько ещё сопротивления. Сколько навыков.

Ярость затмевает рассудок. Но сейчас не время для эмоций — нужно действовать, пока есть хоть малейший шанс на спасение.

— У нас ничего нет, — яставляю ладони вперёд, стараюсь говорить спокойно. Голос дрожит, но я пытаюсь контролировать каждое слово. — Ни зелий, ни ценностей. Только жизнь. Отпустите нас, пожалуйста.

Охотник с костяными пластинами, явно их предводитель, медленно приближается. Его доспехи скрипят при каждом движении. Он останавливается в шаге от меня. Его улыбка — нечто противоестественное, в ней нет ничего человеческого. Зубы поблескивают в тусклом свете, а взгляд пустой и точный.

— А ты забавная, — его голос тягуч, пропитан ядом и издевательством. — Думаешь, мы здесь из-за каких-то склянок? О нет, малышка. Нам нужен твой навык.

“Твой”, — он выделяет слово. Не “ваш”. Он видит роли. Или считывает характеристики.

Он поднимает руку, и я вижу это — мерцающий чип "Некусуса" на его запястье. Синий огонёк пульсирует, словно живое сердце, готовое поглотить наши способности.

Предупреждение вспыхивает перед глазами, обжигая сознание:

Активация "Подавления навыков"

Ваши способности заблокированы на 30 секунд

Мир вокруг словно погружается в вязкий кисель. Звуки гаснут, как если бы кто-то набросил на нас огромное звуко-непроницаемое одеяло. Каждый шорох, каждый вздох отдаляется, становится едва уловимым.

Нож в моей руке превращается в неповоротливую тяжесть. Металл, который раньше был продолжением моей ладони, теперь кажется чужим и враждебным. Я пытаюсь сжать пальцы крепче — но мышцы не слушаются, становятся ватными, бессильными.

Я чувствую это не как “слабость”. Как выключатель. Щёлк — и тебя нет.

Лезвие выскальзывает из онемевших пальцев, падает на камни с глухим, издевательским звоном.

Колени подгибаются, и я падаю на землю. Тело наливается

свинцовой тяжестью, каждая клеточка пропитана слабостью. Мышцы отказываются подчиняться, превращаясь в желе.

Я пытаюсь вдохнуть — и вдох выходит рваным. Совместный щит где-то рядом, но без навыков он не “держит”. Нить между нами истончается.

Сквозь мутную пелену вижу, как охотники неторопливо приближаются. Их тени растягиваются, словно чёрные щупальца, готовые поглотить меня целиком. В их движениях нет спешки, они знают, что мы беспомощны, что сопротивление бесполезно.

Секунды тянутся, как часы. Тридцать секунд — целая вечность, когда ты знаешь, что не можешь пошевелиться, не можешь защитить себя и того, кто рядом.

В голове разрывается в крике единственное желание — чтобы это поскорее закончилось. Но время, словно издеваясь, течёт медленно, давая возможность прочувствовать каждую секунду беспомощности и отчаяния.

Игра не убивает сразу. Она даёт понять, что ты — управляемый объект.

Глава 14. Слово правды

Катя

— Катя! — голос Влада пробивается сквозь вязкую муть, обволакивающую сознание. Он звучит глухо, издалека, но в нём хватает нажима, чтобы мышцы дёрнулись в ответ, а взгляд попытался собраться в одну точку.

С трудом поднимаю глаза. Мир качается, как при жаре: контуры плывут, цвета смазываются. А Влад стоит чётко. Прямо перед вожак охотников, в паре шагов от меня. Плечи подрагивают от перенапряжения, но спина держит линию, подбородок поднят. В руках — обломок камня, неровный, грязный. Единственное, что оказалось под рукой.

— Отпусти её, — тихо, но твёрдо произносит Влад. Голос ровный, почти мягкий. От этого “почти” по коже проходит дрожь — слишком не в тон происходящему. — У нас ничего нет. Мы просто хотим выжить.

Вожак наклоняет голову. Взгляд соскальзывает с меня на Влада и цепляется за него, как крючок. В следующую секунду в лице появляется микро-сбой: короткое, недоверчивое “что?”, а затем раздражение, плотное, злое.

— Что ты? — он делает шаг вперёд, рука сама сжимается в кулак. Костяные пластины на доспехах трутся друг о друга, дают сухой скрип. — Ты думаешь, что...

Влад не даёт ему закончить.

Он говорит.

И это уже не та речь, которой он спорил со мной у костра или бормотал в панике на бегу. Голос становится ниже, плотнее. Слова ложатся ровно, без лишней эмоции — и именно этим режут.

— Ты помнишь, как тебя звали до “Альтхейма”? — Влад держит паузу ровно столько, чтобы она ударила. — Марк. Порт. Ты таскал ящики с рыбой. Ел рыбу с картошкой, потому что было быстро и дёшево. У тебя был лабрадор. Рыжий. Ты потерял его в пожаре.

Охотник застывает. Пальцы, ещё секунду назад готовые рвать и ломать, расходятся по миллиметру. Взгляд стекленеет, словно ему в лицо бросили фотографию из жизни, которую он вырезал из памяти.

Влад продолжает с тем же ровным темпом, как будто читает протокол — и от этого становится страшнее.

— Ты думал, что работа на “Нексус” даст тебе новую жизнь. Игра дала тебе только боль. Ты убиваешь, чтобы не дать ей подняться.

Тишина оседает на овраг тяжёлым пластом: ни щебня под ногой, ни дыхания. Только короткий звук — кто-то сзади сглатывает, слишком громко.

Интерфейс режет поле зрения:

Харизма: Влад использует "Слово правды"

Эффект: противник дезориентирован (шанс бегства:

80%)

Марк делает полшага, и колено под ним уходит в сторону. Он ловит равновесие, но руки выдают его: пальцы дрожат, сжимаются, разжимаются, будто пытаются схватить что-то, чего нет в воздухе.

— Я... я не... — голос ломается. Не жалкий. Потерянный. Сорванный с привычной маски.

— Иди домой, — говорит Влад. Мягко, но без просьбы. — Ты не убийца.

У Марка лицо дергается, словно он пытается удержать прежнюю форму. Не выходит. Он отступает. Ещё шаг. Взгляд блуждает, цепляется за камни, за руки своих, за пустоту. Жестокость уходит первой. Потом — привычная уверенность. Остаётся боль, сырая, голая.

Остальные охотники переглядываются. На секунду их строй расползается непониманием. Марк уже не с ними. Он разворачивается и уходит вниз по оврагу, растворяясь в тени.

Один за другим охотники отступают. Без слов. Без угроз. Даже тот, кого я ранила, тянет ногу по камням и ползёт прочь, не оглядываясь.

Я смотрю им вслед. Муть в голове отступает. Звуки возвращаются слоями: шорох листвы сверху, шаги по камню, хриплое дыхание Влада, стук крови в ушах.

Влад поворачивается ко мне. Лицо белое, губы пересохли, глаза ясные. Он протягивает руку.

— Вставай. Нам нужно идти.

Грудь сдавливают спазмами, то ли от пережитого напряжения, то ли от остаточного действия "Подавления навыков". Рёбра сводит судорогой. Воздух в лёгкие идёт рывками, горло царапает сухостью. Тело тяжёлое, как после долгой драки, где тебя били не по коже — по нервам.

Я дышу рвано, упираюсь ладонями в холодный мох, подтягиваю колени под себя. Пальцы плохо слушаются, но я поднимаюсь.

— Как ты?... — выдавливаю я, поднимая взгляд на Влада.

Он стоит надо мной, чуть покачивается. Камень в руке опускается, как будто он вспомнил, что сжимает его уже слишком долго. На лице — слабая, растерянная улыбка, которая держится на честном слове.

— Эрудиция, — отвечает он тише. Рука поднимается к волосам, пальцы застревают, будто он не понимает, куда их девать. — Я... увидел. В интерфейсе. Когда он шагнул ко мне. Я смотрел на него — и пусто. Ноль вариантов. В интерфейсе мелькнуло окно, как ошибка. Секунда. Я успел прочитать только самое верхнее: имя. Дальше — как по инерции. Я схватил это, как хватают поручень на лестнице, когда нога сорвалась. И сказал вслух. "Слово правды". Уровень — 75/100. Я сам не знал, что оно у меня есть. Наверное... набралось по дороге. Пока я бегал за тобой, пытался вникнуть, читал логи, историю... Я просто... попробовал. Без гаран-

тии.

Пальцы у него снова сжимаются — пустой жест, как если бы он проверял: камень всё ещё здесь, реальность всё ещё держится.

Я хочу сказать, что он рисковал, что мог сорвать всё, что мы висели на волоске. Но язык липнет к нёбу, слова не встают в строй. Вместо этого рука сама хватается его за запястье. Кожа тёплая, влажная от пота. Пульс — быстрый, сбитый.

Хват получается слишком крепкий. Не “спасибо”. Проверка: живой? здесь? со мной?

— Время, — говорю я жёстче, чем планировалось.

Интерфейс вспыхивает перед глазами, подрезая мысль:

До начала события: 00:05:47

Цифры горят алым. Секунды откусываются одна за другой.

Где-то наверху воздух уже меняется. В нос забивается горькая сырость, по коже проходит ледяная полоска вдоль позвоночника, как предупреждение.

Влад кивает. Без слов подаёт вторую руку, помогает подняться. Ноги дрожат. Ступни скользят по мху. Я ставлю одну. Потом вторую. Тело соглашается.

Мы бежим.

Успеем. Должны.

Пещеры встречают нас холодом и сыростью. Тьма плотная; узкий луч из проёма за спиной режет её полосой и выхватывает шероховатые стены, с потёками и мшистыми разводами.

Я лечу вперёд к тяжёлой металлической двери — ржавой, с облупившейся краской, но целой. Пальцы вцепляются в ручку. Дёргаю. Механизм стонет, сопротивляется, скребёт металл о металл, потом сдаётся.

Дверь хлопает так, что отдаётся в костях.

В полумраке нащупываю холодный и мокрый от конденсата рычаг. Пальцы скользят. Сжимаю сильнее, тяну вниз. Скрежет — длинный, неприятный. Потом щелчок, плотный, окончательный.

Герметизация.

— Успели? — шепчет Влад за спиной. Голос хрипит, сорван бегом.

Я подхожу к маленькому окошку в двери. За стеклом уже стелется зелёная муть. Густая, маслянистая. Она ползёт по земле волнами, обволакивает камни, заходит в трещины, ищет вход. Движение медленное, и от этого жутче: оно никуда не спешит. Оно всё равно придёт.

Интерфейс встаёт поверх стекла сухими строками:

Кровавое событие: "Ядовитый туман" — активировано

Вы находитесь в безопасном укрытии

Время до окончания: 03:00:00

Колени подламываются без команды. Я сползаю на хо-

лодный каменный пол, прислоняюсь к стене. Шероховатость впивается в спину. Руки поднимаются к лицу сами. Пальцы дрожат мелко, упрямо, как после долгого напряжения.

В ушах становится пусто. После криков и скрежета это “пусто” кружит голову. Доходит только два звука: мой рваный вдох и такой же Влада. Два сбитых ритма рядом.

Медленно опускаю руки, смотрю на Влада. Он сидит напротив, прислонившись к стене. Лицо бледное. На виске пот. Плечи опущены, но взгляд держится.

— Ты... ты спас нас, — говорю я. Слова выходят тяжело, словно горло ещё в овраге. — Если бы не ты...

Он не даёт договорить. Сдвигается ближе и садится рядом. Плечо касается плеча. Контакт простой, без позы — и от этого сильнее.

Я не отстраняюсь. Тело не делает привычного шага в сторону.

— Мы спаслись, — говорит он тихо. — Вместе.

В полумраке Влад выглядит другим. Не тем растерянным новичком, которого я тянула через лес. Человеком, который встал между мной и охотниками — и нашёл слово, когда у меня отняли нож.

Мы сидим молча. Дышим. Время перестаёт быть секундомером хотя бы на минуту.

И в этой паузе впервые за долгое время внутри нет отсчёта.

Глава 15. Здесь и сейчас

Катя

Прижимаюсь спиной к холодной каменной стене и собираю дыхание по кускам. Вдох цепляется за горло, выходит хрипом. Воздух в пещере сырой, тяжёлый; язык ловит привкус ржавчины и каменной пыли.

Три часа — вроде бы немного, но в "Альтхейме" такое время может тянуться бесконечно.

За дверью по-прежнему висит зелёная муть. Она не рассеивается, ползёт по земле тонкими слоями, собирается в завитки у камней, ищет щели, давит на стекло.

“Альтхейм”... Место, где смерть превратилась в часть развлечений, а страх — в статистику. Здесь каждое движение — э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.